

Материалы секции
ФИЛОСОФИЯ

22-27 апреля 2018
НОВОСИБИРСК

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МНСК-2018

ФИЛОСОФИЯ

Материалы
56-й Международной научной студенческой конференции

22–27 апреля 2018 г.

Новосибирск
2018

УДК 101.1
ББК 87.3я431
Ф 561

Научный руководитель секции — д-р филос. наук, проф. В. С. Диев

Председатель секции — д-р филос. наук, проф. А. В. Бессонов

Ответственные секретари секции:

канд. филос. наук, доцент И. В. Борисов
канд. филос. наук, доцент Д. А. Цыплаков

Экспертный совет секции:

д-р филос. наук, проф. В. С. Диев
д-р филос. наук, проф. А. В. Бессонов
д-р филос. наук, доцент Н. В. Головкин
канд. филос. наук, доцент Д. А. Цыплаков
канд. филос. наук, доцент И. В. Борисов
канд. филос. наук, доцент В. В. Петров

Ф 561 Философия : Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф.
22–27 апреля 2018 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ,
2018. — 124 с.

ISBN 978-5-4437-0760-0

УДК 101.1
ББК 87.3я431

ISBN 978-5-4437-0760-0

© СО РАН, 2018
© Новосибирский государственный
университет, 2018

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSC-2018

PHILOSOPHY

Proceedings
of the 56th International Students Scientific Conference

April, 22–27, 2018

Novosibirsk
2018

УДК 101.1
ББК 87.3я431
Ф 561

Section scientific supervisor — Dr. Philos., Prof. V. S. Diev
Section head — Dr. Philos., Prof. A. V. Bessonov

Section responsible secretaries:
Cand. Philos., Assoc. Prof. I. V. Borisov
Cand. Philos., Assoc. Prof. D. A. Tsyplakov

Section scientific committee:
Dr. Philos., Prof. V. S. Diev
Dr. Philos., Prof. A. V. Bessonov
Dr. Philos., Assoc. Prof. N. V. Golovko
Cand. Philos., Assoc. Prof. D. A. Tsyplakov
Cand. Philos., Assoc. Prof. I. V. Borisov
Cand. Philos., Assoc. Prof. V. V. Petrov

Ф 561 Philosophy : Proceedings of the 56th International Students Scientific Conference. April, 22–27, 2018 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2018. — 124 p.

ISBN 978-5-4437-0760-0

УДК 101.1
ББК 87.3я431

ISBN 978-5-4437-0760-0

© SB RAS, 2018
© Novosibirsk State University, 2018

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.33+217

Роль жертвоприношения в теории религии Жоржа Батая

А. С. Ашер

Новосибирский государственный университет

Творчество французского философа и писателя Жоржа Батая (1897–1962) при его жизни не было высоко оценено современниками. Однако, оно было заново открыто в 1960–1970-е гг. Представления Батая о жертвенности, о сакральном, о «проклятой части» оказали значительное влияние на таких выдающихся мыслителей, как Жак Деррида, Жан Бодрийяр, Мишель Фуко, Жак Лакан [1].

В данной работе мы рассмотрим интерпретацию Жоржем Батаем феномена жертвоприношения и проведем различие между жертвоприношением как насилием, направленным внутрь общества, и войной как насилием, направленным вовне.

Важнейшим понятием в философии Батая является понятие «имманентности» [2]. В мире имманентности не существует индивидуальности и сознания, нет разделения на субъект и объект. Когда один зверь пожирает другого, он не выстраивает отношения господства и подчинения. Жорж Батай сравнивает подобное явление лишь с тем, как более крупная волна захлестывает собой другие волны.

Человек начинает терять связь с миром имманентности, когда изобретает орудие труда. Орудие не имеет ценности само по себе, оно является лишь средством для достижения некоторой цели в будущем. По аналогии с орудием человек начинает рассматривать как объекты и те явления, которые изначально принадлежат миру имманентности: растения, животных, других людей и самого себя. Таким образом, каждое явление становится субъектом-объектом, то есть может рассматриваться двояко. Мы полагаем, что на этой стадии необходимость в жертвоприношении отсутствует.

Однако, когда дух полагается выше тела, то орудия, растения, животные и тела людей образуют в совокупности «мир вещей», которому противоплагается мир суверенных духов, не имеющих тел. Мир вещей вытесняет сакральность из всех сфер человеческой жизни. Сакральности дозволяется проявляться лишь во время праздничного разгула и жертвоприношения. Акт жертвоприношения, по Жоржу Батаю, имеет целью избавление жертвы от унижительного статуса вещи. С помощью жертвоприношения жертва возвращается в мир имманентности, а вместе с ней контакт с сокровен-

ным испытывает и жрец. В жертву приносятся наиболее полезные вещи, а не предметы роскоши, так как предметы роскоши являются уже заведомо «уничтоженными»: труд, затраченный на них, не привел к возникновению полезного результата.

При этом жертвоприношение не является полным возвратом в мир имманентности, но, скорее, компромиссом между этим миром и порядком вещей. Порядок вещей «наступает» на жертвоприношение, когда дает ему полезную интерпретацию (например, интерпретирует жертвоприношение как средство повышения плодородия).

Тем не менее, во время праздников и жертвоприношений ярость насилия направлена внутрь общества. Во время войны же она выводится вовне и направляется на внешнего врага. Первоначально прибыль, которую приносит война, компенсируется непроизводительным уничтожением захваченного имущества. Накопление и трата уравнивают друг друга. Но даже на этой стадии жертвоприношение уже теряет часть своей эффективности, так как значительная часть ярости тратится на внешнего врага.

Далее человек начинает рационально и методично использовать силы для роста военной мощи. Происходит захват рабов, труд которых используется для накопления ресурсов и захвата новых территорий. Внутри империи появляются право и мораль, которые подавляют любое внутреннее насилие и «перенаправляют» его вовне. Право и мораль способствуют запрету жертвоприношений, как и любого другого непроизводительного уничтожения имущества. В отличие от более архаичных времен, в период империи отсутствует обычай принесения в жертву верховного правителя.

Таким образом, Жорж Батай объясняет феномен жертвоприношения тем, что человек стремится вернуться к утраченной сокровенности имманентного мира. Сближение с сокровенностью удается ему лишь в том случае, когда он направляет насилие на себя самого, чтобы выйти за собственные пределы и утратить себя в единстве сущего [1]. Напротив, упадок жертвоприношения Батай связывает с установлением военного порядка, который делает насилие рациональным, целесообразным и направленным на другого.

1. *Зыгмонт А. И.* Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая // Вестник ПСТГУ, I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 (59). С. 23–38.

2. *Батай Ж.* Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006. 742 с.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Е. В. Афонасин

Натуралистическая трактовка интенциональности у Сёрла

Т. А. Боброва

Томский государственный университет

В статье «Интенциональность и ее место в природе» Дж. Сёрл дает свое определение интенциональности, которое коррелирует с современной концепцией философии сознания. Для него интенциональность — есть свойство быть направленным на что-то, быть о чём-то. Для примера он приводит такую ситуацию, что Роберт убежден (имеет веру), что Рональд Рейган — президент. Здесь он даёт разъяснение, что убеждение Роберта — интенциональное состояние, потому что субъект убежден в чем-то, а его убеждение направлено на что-то и репрезентирует такое положение дел, что Роберт Рейган — президент. Так, Рональд Рейган — интенциональный объект убеждения Роберта. А существование такого положения дел, что Рональд Рейган является президентом, есть условие выполнения убеждения субъекта. И, в противном случае, если он не является президентом, то интенциональность не может быть выполнена.

Далее он вводит понятие аскрипции интенциональности и начинает классифицировать их. Для этого он приводит четыре примера, каждый из которых несет интенциональный смысл, но имеет разный статус аскрипции. В первом примере наблюдается просто интенциональный феномен, где кто-то убежден в чем-то. Во втором примере наблюдается не только убеждение кого-то в чем-то, но и выполнение этого интенционального убеждения. Итак, в этой группе примеров интенциональность является внутри присутствующим свойством мозга агента, то есть, то или иное убеждаемое состояние реально существует в мозге. Это есть вид *исходной* интенциональности.

Следующий пример не показывает нам какое-либо убеждение или какую-либо мысль агента. Он показывает то, что данный пример интенциональности сконструирован из интенциональности исходного порядка и поэтому этот пример является *производным*. Не существует такой интенциональности самой по себе, но только посредством ментальных состояний агентов она может быть реализована.

Наконец, американский философ вводит метафорический вид интенциональности. Его отличие основное заключается в том, что интенциональность не имеет буквальных аскрипций. То есть в таком предложении, где говорится о том, что машина может что-либо «воспринимать», не разумеется то, что машина может иметь какой-то орган восприятия или то, что она может исходя из эмпирического опыта иметь какие-то перцептивные показания. Этот пример также имеет зависимость от исходной интенционально-

сти агентов. Но все, что мы должны разграничивать — это то, что привлекает какие-то объекты окружающего мира, человек вынужден их персонифицировать, так как все, что происходит вне его, воспринимается и воспроизводится (посредством речи) им же.

Таким образом, мы сделали вывод, что интенциональность в серловском понимании имеет три вида: «внутренне присущая» *исходная*, «доставленная» *производная* и *метафорическая*. Психическое состояние, как может быть вызвано внутри мозга биологическими процессами, так и наоборот, может быть обратно направленной на мозг и быть вызываемым процессом. В этом положении Дж. Сёрл касается принципа каузальности интенциональных состояний. То есть для него они каузально взаимосвязаны от того, на что направлены. По мнению Сёрла, каузальная обусловленность порождается биологическими процессами в мозге и биологическими процессами вообще. Следовательно, автор натурализует причинно-следственную связь и тем самым отождествляет психическое состояние и сознание как функцию мозга.

В соответствии с убеждением Дж. Сёрла в натуралистической трактовке сознания, необходимо выделить его основные претензии против толкования сознания как программы. В одной из своих ключевых статей [1] Сёрл описывает эксперимент с китайской комнатой, рассматривает и опровергает аргументы за «Сильный AI (ИИ)». Итак, основным тезисом Сёрла является признание у машин наличия каузальных способностей и, как следствие, обладание интенциональностью. Здесь Сёрл понимает машину как некий механизм, например, человеческий мозг. И непризнание этих функций у программы. А программа — не тождественна машине. В то время как машина (мозг) умеет обрабатывать информацию, заниматься интерпретированием символов, программа — включает себя только запрограммированный манипулятивный комплекс формальных символов. Единственным вариантом потенциальности AI является принятие дуалистического подхода к разрешению этого вопроса. А именно то, что сознание в таком случае не зависит от мозга ни концептуально, ни эмпирически, так как программа не зависит от той или иной реализации. Таким образом, никакая компьютерная программа не достаточна для воспроизведения интенциональности, ибо программу инстанцирует мозг, а сама программа не может иметь какие-либо психические факты.

1. Searle J. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Т. 3. № 3. С. 417–424.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Е. В. Борисов

Метафора «лика» во взглядах П.А. Флоренского на архитектуру

А. В. Забелин

Новосибирский государственный университет

Разнородному наследию П. А. Флоренского свойственна неизменность общих признаков исследовательского подхода и постоянство применяемого метода. Эти общие признаки выражены в метафорах. Метафорическая структура текстов П. А. Флоренского является особо интересной для историко-философского исследования, поскольку она позволяет сделать понятной его открытую исследовательскую программу.

Некоторые могут думать, что вопрос о взгляде философа Флоренского на искусство раскрыт достаточно полно, и отчасти это верно. Ряд исследований посвящен рассмотрению метафор в текстах Флоренского об иконописи и живописи в целом [2, с. 33–71]. Однако отсутствует удовлетворительное решение проблемы отношения Флоренского к еще одному виду искусства — архитектуре, хотя с использованием свойственного ему метафорического языка им написаны статьи, посвященные именно этому предмету: «Троице-Сергиева Лавра», «Храмовое действо как синтез искусств» [1, с. 354–380]. Проблема заключается в том, что раскрытие смыслов в метафорических высказываниях Флоренского об архитектуре трудно интерпретировать без дескриптивного анализа многозначных высказываний [3, с. 27–48]. Тем не менее, интерпретация его высказываний об архитектуре станет важным источником для развития теории и истории архитектуры, а также разработки архитектурной физиогномики, которая намечена в трудах некоторых исследователей [4, 5]. Поэтому исследовательский метод Флоренского, одного из самых многосторонних по своим интересам теоретиков XX века, позволяющий формировать оригинальные представления об архитектуре, оказывается особенно важным и нужным.

Был проведен лингвофилософский анализ текстов Флоренского по философии, теологии, искусствоведения, который показал, что трудность в понимании взглядов Флоренского на архитектуру заключается в смешении образа человечности и архитектуры в его философии. К пониманию опыта Флоренского с соединением образа человека и архитектуры можно прийти через онтологическую метафору *лик* — *это духовная форма*. Эта метафора связана с различными видами объектов в текстах Флоренского: лицами ангела, Христа, мёртвого человека, на изображении иконы, «частью божественного образа», «абсолютным смыслом» и ансамблем Троице-Сергиевой Лавры. Если гипотеза о связи образов человечности и архитектуры верна, то ставится под сомнение такая эстетическая категория как «красо-

та», *venustas*, введённая архитектором Витрувием [8]. Её заменяют такие высокие *духовные* человеческие качества как совесть, интеллект, достоинство [4,5]. Иными словами, образуется эвристический потенциал в соединении духовных качеств человека и архитектуры. Это нас приводит к принципиально иному рассмотрению феномена архитектуры. Интеллигибельность и «лико» архитектуры могут оказаться более соответствующими друг другу, чем понимание «красоты».

Флоренский, разумеется, был не единственным, кто обращался к образу Троице-Сергиевой Лавры в своих трудах. В частности, представляется интересным исследование философа и историка архитектуры В. П. Зубова об этом ансамбле [6]. Если же учесть, что Зубов был современником Флоренского, то на его произведения можно опираться, чтобы сделать логические переносы данного метафорического понятия к описываемой Флоренским архитектуре Троице-Сергиевой Лавры. Такой подход нам представляется продуктивным, однако прежде чем его использовать, необходимо разработать аппарат по выделению конкретных образцов значения метафор, разработанных Флоренским. Основой для него послужит произведение Флоренского «Иконостас», а также разработанный к нему план А. Г. Дунаева [7].

Однако уже сейчас в отношении поставленной задачи можно сделать определенные выводы. В частности, в результате проведенного этимологического разбора слова «лик» и связанной с ним онтологической метафоры данное понятие может быть без потерь смысла переведено на язык философских понятий, а именно, как сущность, *ὄντοσσις*. Этот результат открыл доступ к более полному рассмотрению метафоры «лико» в контексте истории философии.

Исследовательский подход Флоренского заслуживает внимания, поскольку при переносе образов его метафор в сферу произведений архитектуры изменяется взгляд на архитектурную практику и теорию. Через синтез человечности и архитектуры в рассмотренном метафорическом понятии становится более ясным понимание связи физиогномик лица человека и фасада архитектурного произведения.

1. *Флоренский П. А.* Сочинения: в 4 т. М., 1996. Т. 2 (Философское наследие. Т. 124)

2. *Михайлов А. В.* О. Павел Флоренский как философ границы. К выходу в свет критического издания «Иконостаса» // Вопросы искусствознания. 1994. № 4.

3. *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.

4. *Рантпорт А. Г.* Физиогномика и эзотерика. Интеллигенция и икона. www.papardes.blogspot.ru/2018/02/blog-post_18.html (Дата обращения: 18.02.2018).

5. *Скотт Маккуайр*. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство ... / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.
6. *Зубов В. П.* Архитектура Троице-Сергиевой Лавры. Исторический очерк // Троицкий сборник. № 2. Сергиев Посад, 2002. С. 372–408.
7. *Флоренский П. А.*, Иконостас / подгот. текста и коммент. А. Г. Дунаева. М., 1994.
8. *Марк Витрувий Поллион*, Десять книг об архитектуре / Витрувий; Пер. с лат. Ф.А. Петровского; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории архитектуры и градостроительства. 2-е изд., испр. М.: УРСС, 2003. 317 с.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент М. Н. Вольф

Наука и искусство в контексте идеи Science Art (краткий исторический очерк)

А. А. Кривцова

Новосибирский государственный университет

Science Art, дословно «научное искусство», — это одна из практик в сфере современного искусства, демонстрирующая эстетику научной области и предоставляющая новое творческое пространство для совместной деятельности художников и ученых. Для понимания важности роли Science Art в современной культуре, необходимо привести краткий исторический очерк, раскрывающий сущность понятий наука и искусство в европейской культуре с древности до наших дней.

Начать следует с двух основополагающих понятий — греческого *τέχνη* и латинского *ars*. Как деятельность *τέχνη* вариативно и зависимо от контекста. Аристотель видел его как репрезентант несовершенства человеческого подражания природе. Здесь намечена мысль об изначальном родстве науки и искусства. Мимесис — подражание, понятое именно как подражание природе, — является одним из фундаментальных понятий в эстетике. Само искусство зиждется на принципе повторения, воссоздания оригинала с применением творческого подхода.

То же касается и науки, воплощающей себя по большей части именно в техническом аспекте. Многие философы, занимавшиеся осмыслением роли техники в жизни человека, ее формой, содержанием, главным посылом и идеей, утверждали, что техника обладает ярким свидетельством деятельности человека. С самого своего появления, с первых артефактов палеолитической эпохи и до появления современных машин, техника стремилась к тому, чтобы быть соразмерной человеку. Человек, создавая технику, подстраивает ее под себя и свои нужды, создавая орудие, он мыслит его продолжением себя. Таким образом, техническое приспособление создается на основе требования соответствовать человеческому организму и является его искусственным продолжением.

Возвращаясь к термину *τέχνη*, важно отметить, что уже древние греки разделяли в этом понятии смысловую нагрузку науки и искусства, хотя все еще лингвистически они были объединены одним словом. Когда *τέχνη* мыслилось как искусство, отношение к нему не было примитивно-утилитарным, в то время как *τέχνη*, использовавшееся в языке как ремесло рассматривалось по-иному, как ремесло — это применение искусства на практике, более полезное, чем искусство само по себе в его конечном состоянии.

Аналогично существовал и термин *ars* в среде древних римлян, почитавших значимость практически применимого труда.

Равенство понятий *τέχνη* и *ars* продержалось со времен античности вплоть до XV–XVII вв., пока эти понятия не разделились окончательно с оформлением национальных европейских языков, выросших из латыни, использовавшейся практически на протяжении всего средневековья и Ренессанса. Примерно с XVI по XX вв. искусство и наука существуют как относительно автономные зоны.

Ученые и художники эпохи Возрождения объединяли в своей деятельности и то, и другое, занимаясь одновременно и наукой, и искусством. Достаточно вспомнить Леонардо да Винчи, столь разносторонне развитого во всех областях знания. Можно было бы указать на сходство ученых XV–XVI вв. и *science*-художников XXI века, если бы не фундаментальное различие в понимании науки и искусства и признании, или же непризнании, их автономии. Эти две области, рефлексия о которых была воплощена в философских сферах — эпистемологии и эстетике, были четко разведены и не могли быть смешаны по причине противоречия и разительного различия в изначальных предпосылках их существования.

Искусство допускалось мыслителями как одна из форм познания. «Познание мира может быть двояким: «успокоенным», чисто созерцательным, констатирующим, а с другой стороны — как бы «движущимся», следящим за движением познаваемого и поэтому «следующим», т. е. «идущим вслед». Первое познание мира в основном представлено наукой, второе — искусством» [1].

Со времен Канта наука и искусство расходятся окончательно, разделяются эмпирическая верификация и суждения вкуса.

«Кант пытался, среди прочих вещей, отделить науку от искусства, чтобы определить надлежащие границы каждого. ... Но мы также живем в эпоху удивительных изобретений и неустанных инноваций, когда (как Фредерик Джеймисон излагал это) «эстетическая продукция» стала «доминантной культурной логикой или главной нормой» [2].

Ближе к концу XX века оба смысла — наука и искусство — начинают обратно сближаться и в практиках *Science Art* даже смешиваться.

Science Art, безусловно, имеет предпосылкой науку и научные разработки, но не является наукой в полном смысле слова. Продукты *Science Art* практик как бы избыточны для науки. Имея в своем распоряжении последние разработки для их практической апробации, ученые, тем не менее, не ставят своей целью новые открытия на их основе. Допустимо поэтому считать, что *Science Art* призван продемонстрировать красоту нынешней науки, заключенную, однако, не во внешней форме, а в самой идее произведения.

1. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.

2. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: РАН. Ин-т философии, 1994. 274 с.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. В. П. Горан

Концепция воли в древнеегипетском мировоззрении

А. Е. Новикова

Новосибирский государственный университет

Maat — разумный порядок, управляющий всем и охватывающий мир людей, вещей, природы и космоса. *Маат* — это смысл творения, которому мир в его «нынешнем» виде уже не соответствует. Отклонение от смысла, *Isefet*, — выражается в болезнях, смерти, насилии. Боги уходят из мира: как из храмов, так и из жизнотворных природных сил измерения космического. Этот разрыв единства мира — большая трагедия для древних египтян, а служение богам и поддержание их присутствия — главная задача в жизни каждого египтянина. Но главную роль в поддержании миропорядка играл царь: он ежедневно читал заклинание, помогающее барке солнечного бога Ра проплыть по небу.

С эпохи Древнего царства тема «жалоб» египтян — катастрофическое состояние вселенной, которую сам человек сделал непригодной для жизни, так как погрешил против гармонии действительности тем, что вел себя «несолидарно». Значит, древний египтянин уже осознает, что в его взаимоотношениях с окружающим миром есть или, вернее, возможна какая-то несолидарность, и, как следствие, какое-то насилие со стороны человека. В чем именно может заключаться эта несолидарность? Возможно, тут ключевую роль играет воплощение собственной воли наперекор чему-то. Но чему? Чему-то существующему и действующему рядом с изменяющим, с чем нужно было считаться, изменение чего влечет за собой дальнейшие изменения в цепи существования, чему-то, что имеет позиции, место быть, подобное самому изменяющему. Это и есть несолидарность — невнимание к воле другого, воплощение своей воли вопреки гармонии действительности, и она влечет за собой насилие.

Индоевропейский корень **wel-* со значением «желать, хотеть» трансформировался в прагерманский корень **willjan*, из которого развились немецкое *wollen*, английское *will*, и в праславянский корень **voliti* — прародитель слов *воля*, *велеть*, *довлеть*. В германских языках от данного индоевропейского корня образовались модальные глаголы. Всякое сочетание с модальным глаголом обязательно имеет футуральный оттенок: предстоит действие, которое субъект может, хочет или должен выполнить. И хотя модальные обороты не могут считаться собственно формами будущего времени, указывает ли эта ситуация на то, что человек смотрел в будущее через призму воплощения своей воли, самовольного изменения мира? Конечно, неправильно рассматривать грамматику германских языков для понимания древнееги-

петского мировоззрения: она приведена здесь лишь для сравнения двух типов мировоззрений. В древнеегипетском языке не существует прошлого, настоящего и будущего времен как таковых. Для обозначения понятия «время» существовало два слова: *нехех* и *джет* — становление и существование результата в завершенности. Вместе они образовывали единое, неразрывное целое: становление неотъемлемо от результата, — такой мыслилась египтянину действительность. Время-*нехех* «идет» как непрерывный поток дней; время-*джет*, напротив, «пребывает», в нём сохраняется завершенное, то, что уже осуществилось в потоке времени-*нехех*, и теперь перешло в другую форму времени, в которой нет изменения. Целостность времени египтянин видел как противоположность чему-то конечному и ограниченному, как постоянно становящуюся действительность, сохраняющую при этом то, что уже осуществилось. Грамматически *нехех* и *джет* в древнеегипетском выражены как формы однократного (завершенного) и многократного (длительного) действия. Форма как однократного, так и многократного действия может выражать прошлое, настоящее или будущее время (однократное или многократное действие *до*, *в* или *после* момента повествования). Из этого делаем вывод, что будущее время в древнеегипетском языке не является выражением воли кого-то, а представляет собой звено в цепи причинно-следственной связи, где становление перетекает в результат и живет в веках, будущее здесь — следствие предшествовавших ему причин, складывается гармонично и последовательно.

Таким образом, выявляем принципиальное различие в мировоззрении германоязычных народов и древних египтян: это различие во взгляде на порядок действительности и на свое место в мире, во времени. Древний египтянин осознал возможность некоего вмешательства в естественный ход событий, но считал это изъясном и избегал этого. Поэтому такое принципиальное невмешательство в ход вещей можно назвать чертой египетской ментальности.

1. Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М.: Присцельс, 1999.

2. Петровский Н. С. Египетский язык. Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка. Л., 1958.

3. Курс лекций по истории немецкого языка / Н. С. Колотилова ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, 2007. 164 с.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент М. Н. Вольф

«Среднее» как Род в античной философии

М. А. Полукошко

Новосибирский государственный университет

В настоящее время предметом внимания все больше становится реальность как мировоззренческая проблема, которую необходимо рассматривать через призму предельных отношений «Человек-Мир». Тему настоящего исследования мы постарались раскрыть именно с обоснования необходимости изучения процесса познания, опираясь на идею «среднего» Аристотеля, у которого «среднее» выступает деятельной, живой связующей нитью мира. Применяв комплексный подход, исследование понятия «среднее» мы выстраиваем через отношение этапов познавательного процесса: восприятие (αἴσθησις), наука (ἐπιστήμη) и созерцание (θεωρία).

В первом тезисе мы определяем, что «серединой» в качестве основания сущего выступает «осязание», во-первых, так как способно различать противоположности в чувственных объектах природы, определять всему меру и пропорции, во-вторых, так как обладает критериями подлинного сущего, а именно: а) как способное выделять различие и определять меру; б) как формирующее единое пространство; в) как действующая причина.

Во втором тезисе мы рассматриваем «середины» в качестве основания подлинного сущего как продуцирующее «активное начало», всегда стремящееся к завершенности в «одно» и в этом стремлении порождает все многообразие мира.

В третьем тезисе — для аргументации того, что «середины» как основание подлинного сущего есть нерасторжимое единство «ощущение-мышление», мы приводим следующее обоснование: во-первых, ощущение и мышление имеют единую природу, во-вторых, само отношение чувственно-воспринимаемого и умопостигаемого есть «середины», которая несет в себе те качества, которые суть проявления этой пропорции соотношения двух природ.

Четвертый тезис состоит в том, что, исследуя дальнейший генезис отношений «ощущение-мышление-подлинное мышление», мы приходим к заключению, что «середины» как основание подлинного сущего, есть Разум. Подобно «середине» общего чувства (αἴσθητήριον πρῶτος), на более высокой ступени, находится «середины» «рассудка» (διάνοια). Рассудок ((διάνοια) и воображение (φαντασία) лежат в той промежуточной области познания, в которой «возможна и ошибка, и правильная деятельность» [2, с. 630]. В области высокого ума — «в самом основном смысле сущее — это истинное и ложное, что имеет место у вещей через связывание или разъединение» И далее, «если поэтому одно всегда имеется в связи и не может быть

разьединено, другое же всегда разьединено и не может быть связано, то «быть» — значит быть связанным и составлять одно, а «не быть» — значит не быть связанным, а составлять больше, чем одно» [1, с. 250]. И здесь «середина» — как мера, соразмерность и пропорция. В этом случае она двояка: опосредованно-отдаленная от своего основания или она — соединенная своим «существованием» с основанием и принадлежит к действительно существующему мышлению — бытию.

В заключительном, пятом тезисе, мы подводим исследование к идее, что «середина» в качестве основания подлинного сущего, как единственно существующей действительности, есть Род. Данный тезис мы аргументируем через: а) критерий подлинного сущего, как относимого «к чему-то одному и общему» [1, с. 277]; б) тождественность — «сущее и единое — одно и то же, и природа у них одна» [1, с. 277]; в) род, как первое основание определения [1, с. 211]; г) единство по виду [1, с. 202]; д) единое и непрерывное по природе [1, с. 153]; е) единое как «начало числа» [1, с. 218].

Подводя итог, следует подчеркнуть значение дальнейшего теоретического исследования понятия «середина». В процессе такого исследования выявляются новые критерии, способствующие познавательной деятельности человека, с помощью которых могут быть заложены новые условия и логика формирования мыслительных процессов, которые смогут прояснить определенные проблемы гносеологии и истории философии.

Интеграционное взаимодействие различных дисциплин при таком подходе будет способствовать накоплению достаточного материала для разработки теоретико-методологического аппарата философии. А далее, эти знания могут быть продлены и на дисциплины теоретического и прикладного характера, непосредственно занимающиеся научным обоснованием картины мира как единого целого организма, в основание которого будут положены критерии «действительно существующего».

1. *Аристотель*. Метафизика. Соч. в 4 т. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1976. 550 с.

2. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. Т. IV. М.: Искусство, 1975. 672 с.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент М. Н. Вольф

Понятия «смысл» и «значение» в семантике Г. Фреге

И. В. Сонич

Томский государственный университет

В работе «О смысле и значении» Г. Фреге [1] рассматривает проблему такого отношения между именами, как *референциональное тождество* или *корелеферентность*. В качестве примеров он приводит две формы предложений — $a=a$ и $a=b$. В примерах символами a и b обозначаются собственные имена (далее — *имя*) или определённые дескрипции (далее — *дескрипция*). Под *именем* подразумевается название объекта, явления или имя собственное, а *дескрипцией* называют описательную конструкцию, которая отсылает к конкретному объекту или группе объектов; однако для нас главной чертой как имени, так и дескрипции является их способность выражать свойства объекта — *смысл* имени или дескрипции —, через которые возможно понять, что в предложении говорится о конкретном предмете — *значении* имени или дескрипции. Знак равенства означает, что имена или дескрипции благодаря выраженным в них смыслам указывают на один и тот же объект действительности — знак = в суждениях является символом корелеферентности.

Предложения первой формы всегда тривиальны, потому что могут содержать только одну дескрипцию или одно имя. Более того, такие предложения априорны, так как сообщают о тождественности имени и смысла, выраженного в этом имени, самим себе.

Предложения второй формы апостериорны и содержат два имени или две дескрипции. Однако делает ли это их информативными?

Какую информацию выражает предложение формы $a=b$? На первый взгляд, суждение указывает на возможность обозначения одного и того же объекта разными именами или дескрипциями; то есть, речь идёт о корелеферентности двух условных обозначений, принятых в языке. Напрашивается вывод: истинностное значение тождества $a=b$ никак не зависит от действительности, a и b различаются лишь самим своим внешним видом, но не значением и смыслом. Следует ли из этого, что данное равенство тривиально и по эпистемическому характеру не отличается от равенства $a=a$, если $a=b$ истинно?

Нет, мы не можем этого утверждать. Если корелеферентность знаков a и b очевидна, это может быть обусловлено совпадающими смыслами имён и дескрипций. Однако за a и b могут стоять две разные по смыслу дескрипции одного и того же объекта, тогда это будет равенство, которое может иметь познавательную ценность. Такое равенство позволяет расширить представление об объекте: происходит совмещение двух смыслов, указы-

вающих на одно и то же значение, вследствие чего появляется новое знание об объекте. В данном случае мы узнаём новую информацию об объекте действительности через его выражения.

Наличия двух имён или дескрипций в предложении недостаточно для того, чтобы предложение стало информативным. Наличие двух имён или дескрипций означает лишь возможность потенциальной информативности предложения.

Таким образом, предложения формы $a=b$, содержащие две синонимичные дескрипции, тривиальны и неинформативны так же, как предложения формы $a=a$, содержащие только одну дескрипцию. Это обусловлено тем, что в таких предложениях имена и дескрипции выражают только один смысл. Однако, если a и b — различные имена, обладающие неодинаковыми смыслами, предложение формы $a=b$ имеет познавательную ценность, возникшую в связи с объединением смыслов двух имён [2].

До этого все рассуждения о смысле и значении рассматривались в отношении имён и дескрипций. Однако эти категории применимы и к предложениям.

Предложение — грамматически оформленная законченная мысль. Относительно предложений мы употребляем слово *мысль*. Что же такое мысль предложения? Под мыслью предложения Г. Фреге понимает его смысл, но не его значение.

Значение предложения для нас не менее важно. Но чем является значение предложения? *Значение предложения* — это его определение как истинного или ложного высказывания. В связи с этим у нас появляется интерес к значению предложения, ведь мысль лишается своей ценности, если хоть одна из её частей не может иметь значения, то есть быть ложной или истинной. Таким образом, каждое повествовательное предложение — это своего рода имя, выражающее некий смысл и обладающее определённым значением, но значение это уже не объект, а истинность или ложность.

Смысл целого предложения зависит от смыслов его частей, значение целого предложения зависит от значений его частей — эти два утверждения являются формулировкой *принципа композициональности*. Следствием этого принципа можно назвать такое явление: при изменении смыслов или значений отдельных частей предложения, смысл предложения в целом обязательно станет другим, но значение может остаться прежним

1. *Фреге Г.* Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. С. 26–43.

2. *McGinn C.* Philosophy of Language: The Classics Explained. MIT Press, 2015. С. 1–18.

**Критика радикального физикализма
в концепциях Гилберта Райла и Дональда Дэвидсона**

Н. М. Судакова

Томский государственный университет

Время накладывает свою печать на размышления различных философов в зависимости от эпохи и традиций, во время которых они жили. Тем не менее, вопросы и проблемы, которых они касались, остаются неподвластными временным и культурным изменениям. И изучение соотношения духа и материи — один из них.

Поскольку эта область является обширной и многообразной, данная работа посвящена исследованию лишь некоторых ее аспектов, а именно изучению подходов современных философов сознания к проблемам причинности и критике радикального физикализма. В частности, мною будут рассмотрены концепции английского философа Гилберта Райла и американского философа Дональда Дэвидсона. Конечно, стоит учесть, что один из важнейших подходов к вопросу соотношения ментального и физического был французский философ Рене Декарт еще в XVII веке. Впоследствии данный подход получил название психофизиологического дуализма и являлся отправной точкой для многих современных философов. Согласно ему, сознание и тело представляют собой абсолютно разные субстанции. Однако тогда возникает вопрос — каким образом, если физический мир является казуально замкнутым, мы можем допускать существование идеальной субстанции, влияющей на него?

Данную субстанциональную концепцию Декарта критиковал Гилберт Райл: «Наблюдаемые действия, которым мы приписываем ментальные предикаты, являются продуктами неких скрытых за ними операций-двойников воления, состоит в следующем. Несмотря на то обстоятельство, что мыслители, начиная со стоиков и Св. Августина, рекомендовали нам описывать наше поведение в этом ключе, никто <...> никогда не описывал собственное поведение или поведение своих знакомых, пользуясь предлагаемыми идиомами» [1]. Иначе говоря, в обыденной речи никто не описывает свои действия как явление своей воли, например: своим волением я заставил стул передвинуться, или я занимался волением чтения книги. Данное рассмотрение актов воли Райл рассматривает в контексте механистической картины мира, признавая однако страх людей перед отказом от особого статуса идеальной субстанции и называя подобные страхи пугалом механицизма. Лекарством от этого пугала он считает пересмотр самого понимания Природы как механизма: «Представление о том, что все в Природе подвластно

законам механики, часто искушало людей говорить, что Природа — это или один огромный механизм, или же некая конгломерация машин. Но реально в Природе очень мало механизмов.<...> В Природе можно найти мало что ещё, с чем они имеют столь близкое сходство. Снежные лавины и игра на бильярде подчиняется законам механики, но они совсем не похожи на работу машин» [1].

В ином контексте мыслил Дональд Дэвидсон, а именно в своей работе «Материальное сознание» (1993). Дэвидсон проводил мысленный эксперимент: можно представить, что технологии и научное развитие достигли такого уровня, когда мы можем создать полную механическую копию человека. И мы абсолютно уверены в том, что он похож на человека, потому что в него было скопировано и реализовано все, что мы можем знать о физической структуре и работе реального человеческого мозга. И это творение будет действовать подобно человеку во всем, что мы можем наблюдать: вербальными способами, реакциями на вопросы и внешние раздражители. И следуя логике данного эксперимента, можно сказать, что: «Для любого единичного датированного психологического события мы можем дать описание в чисто физических терминах, а поэтому для любого заданного, конечного класса событий мы можем установить корреляцию между психологическими и физическими описаниями» [2]. Что в свою очередь, как утверждает далее Дэвидсон, невозможно, ибо одно физическое действие или поведение мы можем интерпретировать по-разному, например, мужчина, приветствуя женщину, может это выразить поклоном, кивком, руками, устно или письменно. К тому же все наши поступки и ментальные состояния носят причинностный характер: «Утверждая, что человек совершает интенциональное действие, мы приписываем ему комплексную систему состояний и событий, которым должны соответствовать физические состояния и события» [2].

Учитывая все достигнутые открытия и достижения в сфере науки и исследований человека, поддерживая Дэвидсона и Райла, надо учитывать косвенную роль интерпретации соответствий между явлениями физики и человеческим организмом в контексте крайнего физикализма. Так как даже зная, как работает ваша машина, которую вы водите, вы не можете быть абсолютно уверены, что защищены от аварии.

1. *Гилберт Р.* Понятие сознания / Пер. с англ. яз. под общ. ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.

2. *Дэвидсон Д.* Материальное сознание // Аналитическая философия: Избранные тексты / Общая ред. и предисл. А. Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 132–145.

Преемственность русской материалистической философии

С. А. Хлыновская

Новосибирский государственный университет

В 1886 г. вышла в свет работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», где получил свою формулировку основной вопрос философии об отношении мышления к бытию. Вариативность ответов на него поделила всю историю философской мысли на два глобальных и антонимичных направления. Принцип «партийности философии», обозначенный К. Марксом и Ф. Энгельсом, трактуется здесь в самом широком смысле, определяемом первичностью достоверно отраженного в наших ощущениях бытия по отношению к сознанию.

Маркс в статье «К еврейскому вопросу» высказывает тезис о том, что после того как историю достаточно долго объясняли суевериями, мы суеверия объясняем историей. На наш взгляд, этот методологический принцип применим к большинству результатов аккумуляции достижений человеческой мысли, к которым на определенном этапе развития принадлежит мифологическое мировоззрение. Окружающий мир — продукт деятельности преемственности поколений, в котором знание также не является изолированным, особенно когда речь идет о накоплении исследовательских достижений в науке. Историческая преемственность, своего рода фундамент, на котором выстраивается вся последующая философская мысль, представляет собой результат анализа, компиляции, качественной переработки всего предшествующего интеллектуального наследия или его части. Согласно определению В. И. Бойко, история русской философии по преимуществу оказалась отражением глубоко религиозного миропонимания, основанного на тысячелетней истории русской православной традиции. Этот вывод подтверждает слова В. И. Ленина об обрывистости и непоследовательности русского материалистического учения, чья история не имела такого богатого культурного базиса.

Беря свое начало от А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, только в начале XIX века, русский материализм продолжается в трудах П. А. Кропоткина, В. А. Базарова, М. А. Бакунина, Н. И. Пирогова, В. И. Вернадского, П. Л. Лаврова, И. И. Мечникова и многих других, кто на протяжении полутора веков предпринимал серьезные усилия на пути построения и осмысления материалистического учения. Г. В. Плеханов впервые озвучивает важность проблемы преемственности в истории материализма, чтобы «убедительно доказать всю ценность и все значение названного понимания истории». Необходимой составляющей решения этой проблемы является

переосмысление философии эпохи Французского Просвещения, значительно повлиявшей на развитие материализма в Российской Империи в домарксистский период.

К сожалению, касаемо заявленного вопроса в наследии русских материалистов полномасштабных трудов оказалось крайне мало: попытка Плеханова провести явные параллели и пересечения между двумя этапами развития материализма оставалась одинокой в истории вплоть до публикации очерков по истории материализма А. М. Дебориным и еще более поздней работы Т. И. Ойзермана «Диалектический материализм и история философии». Тем не менее, большинство указанных ранее мыслителей, а также некоторые другие, в своих работах, посвященных различным аспектам учения, давали комментарии и оценки произведениям Ламетри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха и других. Несмотря на некоторые разночтения и разногласия с ними, представители русского материализма переняли от своих предшественников важный методический принцип. Особенностью работ эпохи Просвещения является их обращенность к широкому кругу читателей, не специалистов в какой-либо научной области. Стремление не только понять природные и социальные системы мира, но и иметь возможность передать свои достижения другим, «пролить свет» на «темные умы современности» стало центральным кредо французского материализма. Построение гипотез в сфере естественнонаучного знания, их компиляция с интеллигибельными построениями в области философского осмысления реальности нашли свое отражение в трудах В. И. Вернадского, И. И. Мечникова, И. М. Сеченова. Продолжая традицию французских материалистов, ученые ставили перед собой задачу не только решения труднейших проблем на границе философии и новейших открытий наук о природе, но и их популярного объяснения.

Все эти базовые сходства представляют колоссальный интерес для историко-философского анализа преемственности внутри материалистических учений, чья непрерывная линия до сих пор была прослежена, но не имела должного оформления в истории философии.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. В. П. Горан

Проблема Другого в феноменологии Гуссерля

А. С. Хромченко

Новосибирский государственный университет

Феноменологическая теория Эдмунда Гуссерля в свое время осуществила переворот классической теории познания, в которой господствовало представление о том, что законы логики являются законами естественного мышления. Гуссерль разделил три независящих друг от друга сферы, в которых, тем не менее, содержатся внутренние связи. Это мир природы, вещей, мир сознания, переживаний и мир логических связей. Если между вещами существуют причинно-следственные или функциональные связи, то между нашим сознанием и вещью их не существует, они связаны смысловой, интенциональной областью, которую не так просто объяснить. Нет никакого тождества данного нам бытия и мышления. К тому же наше сознание необъяснимо лишь логическими законами: мы можем ненавидеть, любить, чувствовать боль и много другое, что помогает нам познать этот мир, что выражает наше отношение к этому миру.

Наше претерпевание невозможно «очистить», отделить от мира вещей. Оно всегда обладает некоторой двойственностью: реальный мир воздействует на меня, а я действую в этом реальном мире. Рефлексивное суждение *я порезался* не может быть объяснено апелляцией к субъективным и объективным факторам, таким как «давление лезвия ножа вызывает разрыв тканей» или «я ощущаю боль». Оба суждения не раскрывают полностью смысл предложения *я порезался*. Претерпевание указывает на то, что со мной нечто происходит, я наталкиваюсь на нечто.

Личный опыт не исчезает даже тогда, когда говорится о трансцендентальном Я. Метод «очищения» нашего сознания, или редукция, является лишь теорией, которая иллюстрирует существование той субъективной сферы, которая содержит в себе интенции и является источником всевозможных смыслов. Интенциональность указывает нам на главную особенность сознания: направленность за свои границы, вне их пределов к чужому или Другому. Любое сознание есть сознание о чем-либо. Жан-Поль Сартр в своей статье «Основная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность» иллюстрирует сознание как стремительный и темный прорыв к тому, что не есть ты сам.

Для Гуссерля характерно, что другое Я выводится им путем рассмотрения внутреннего сознания временности трансцендентального эго. Временность и коллективность собственного сознания является предпосылкой сообщества монад, сообщества других субъектов. Предельной реальностью

и основой опровержения солипсизма представляется Гуссерлю недоступная для психического управления телесность других. Различие своего и чужого — это в первую очередь различие своего тела и тела Другого, управлять которым психически мы принципиально не можем. Я воспринимаю физическое тело, которое похоже на мое, и посредством аппрезентативного переноса я убеждаюсь в существовании души за этой физической оболочкой.

Но остается проблематичным понимание той смысловой области, которая связывает свое и чужое, Я и Другого. Какую роль в этой области занимают личные переживания чужого? Каким образом происходит перенос смыслов вне субъективного полюса? И в какой степени нам оказывается доступен Другой, как близко мы его можем узнать?

В своем докладе я попытаюсь рассмотреть решение проблемы Другого и связанную с ней теорию интерсубъективности Гуссерля и выявить в рамках своей темы те методологические и философские особенности феноменологии, которые принципиально отличают ее от предшествующей и любой другой философии.

Научный руководитель — канд. филос. наук А. В. Нечипоренко

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.6 + 321.011

Археология повеления в философии Джорджо Агамбена

Н. Д. Бобров

НИУ Высшая школа экономики, г. Москва

«Современная демократия находится в тайном глубинном союзе с тоталитаризмом» — так звучит броский тезис, выдвинутый Джорджо Агамбеном. По мнению итальянского философа, корни этой связи находятся в самой сущности государства как института суверенной власти.

Агамбен, следуя за Карлом Шмиттом, рассматривает то, как сущность суверенной власти раскрывается в феномене чрезвычайного положения (последнее, по мнению итальянского мыслителя, сегодня является нормой, а вовсе не исключительной ситуацией). Фактически, вводя чрезвычайное положение ради сохранения порядка, обеспечиваемого государством как областью действия правовых институтов, суверен сохраняет право, осуществляя акт отмены последнего. Воля суверена, являющегося воплощением права, парадоксальным образом стоит выше права. В ситуации неразличимости между жизнью и правом, провозглашаемой с введением чрезвычайного положения, и включением «голой жизни» в сферу политического обнаруживается самая сущность суверенной власти.

Очевидно, однако, что власть как таковая реализуется в акте повеления. Сущности повеления как феномена посвящена работа Агамбена «Что такое повелевать?» (2013). Рассмотрение повеления Агамбен начинает, следуя методу М. Фуко, с археологического разбора понятия. Однако в самом центре исследования уже обнаруживается «апория»: в центре филологического разбора оказывается слово *arche* — оно означает не только «источник», «начало» (что отсылает нас к используемому Агамбеном методу), но и «повелевать», «зачинать».

Трактовка повеления в качестве «начала», «зачина» чего-либо переносит повеление в онтологическую плоскость. То обстоятельство, что в христианской космологии мир сотворён словом Божиим, становится тезисом, фундамирующим христианскую политическую теологию. «Приказ» Бога миру быть учреждает и утверждает некоторый порядок. Агамбен приходит к выводу о том, что «в нашей культуре *arche*, исток, есть всегда уже повеление, начало есть всегда также управляющий и повелевающий принцип». Очевидную параллель здесь можно провести и с правом, учреждающим и подкрепляющим суверенное государство, правом, учреждающим саму ткань жизни современных сообществ и включающим — посредством исключения, «ex-

capere) — противоправные (то есть, казалось бы, выводящие его из зоны права как сферы присутствия правового государства) деяния индивида.

Исток продолжает «повелевать и управлять тем, что он вызвал к бытию». Здесь наблюдается параллель с концепцией «истока» (*Anfang*), важной для философии М. Хайдеггера. Начало остаётся действующим в том, что вызвало к бытию. Политические интерпретации понятия «истока» Хайдеггера, приводимые Агамбеном, содержат попытку отделить «начинание» от «повеления».

Лингвистический анализ повеления как высказывания может быть встречен уже у Аристотеля, на которого Агамбен возлагает вину за недостаточное внимание к повелению со стороны философской традиции. Древнегреческий философ выделяет два вида высказываний — высказывающие (апофантический) и невысказывающие — и относит повеление ко второй группе. По этой причине логика, сосредоточившись на апофантических пропозициях, оставила в стороне высказывания, не способные быть ни истинными, ни ложными — в том числе и повеления. Однако повеление как несоответствующее ничему в действительности и потому не являющееся истинным или ложным всё же имеет свое место в онтологической структуре, что и было на протяжении веков обделено вниманием философов.

Лингвистический анализ повеления был продолжен Э. Бенвенистом и Дж. Остином. Исследователи рассмотрели его в рамках выдвинутой концепции перформативного высказывания (другим видом высказываний являются нейтрально-описательные), целью которого является побуждение к действию. В соответствии с рассматриваемыми пропозициями мы получаем возможность выделить две онтологии: «онтологию “быть”» и «онтологию “будь!”». Им соответствуют разные социальные институты и практики: первой — наука и философия, второй — религия, магия и право. Обе онтологии сосуществуют в «единой» онтологии Запада. Онтологизированная пропозиция «будь!», находясь в тени «онтологии “быть”», приобретает особенную силу с приходом христианства. В современном мире онтология повеления постепенно замещает собой онтологию утверждения — причём в демократиях приобретает замаскированную форму «совета». Неапофантический дискурс, затемненный мнимой светскостью и секулярностью, в тайне управляет нашими сообществами, считает Агамбен.

Схоластическая философия привносит понятие «воли» (взамен безграничной «мощи» у греков), чтобы описать законы, по которым Бог добровольно ограничивает собственную силу и создает мир именно согласно этому усмотрению (концепция *de potentia absoluta* и *de potentia ordinata*). Здесь мы обязаны искать корни «двойной модальности» изъявления воли, ставшей причиной расколотости современного индивида: вместо «я хочу» теперь он говорит «я хочу хотеть», по словам Агамбена, он оказывается в болезненной ситуации, когда «может и должен преодолеть тёмную бездну своего могущества».

Противоречие между равенством и свободой в демократии

В. В. Верпета

Новосибирский государственный университет

Демократия как политическая система, которая предполагает равномерное распределение власти среди членов общества и гарантированное право для каждого гражданина влиять на принятие коллективных решений, обеспечивает высокую степень плюрализма, защиту личной свободы и необходимые условия для экономического развития страны. Таким образом, основными компонентами демократии следует считать политическое равенство и экономическую свободу.

Проблема заключается в том, что основные компоненты демократии входят в конфликт. Экономическая свобода ведёт к социальному расслоению и отрицает политическое равенство, когда в результате несправедливого распределения ресурсов появляются привилегированные группы, которые за счёт своих преимуществ приватизируют государство и используют его в личных целях. При этом, с другой стороны, политическое равенство, которое оформляется во всеобщем избирательном праве, может превращать демократию в диктатуру большинства, когда государство сокращает социальное неравенство через вмешательство в экономику и фактически экспроприирует собственность состоятельного меньшинства.

Это противоречие фиксировал ещё Алексис де Токвиль в своём трактате 1835 г. «Демократия в Америке». Также подобная тема подробно разобрана в ходе теоретической дискуссии между Дж. Ролзом, сторонником эгалитарной справедливости, и либертарианцем Р. Нозиком.

Цель данной работы состоит в том, чтобы разрешить противоречие между политическим равенством и экономической свободой в демократии. Для этого необходимо обратиться к концепциям Р. Дала и М. Сэндела.

Согласно Р. Далю, известному теоретику демократии, опасения в том, что всеобщее избирательное право станет угрожать институту частной собственности, не оправдались, но, напротив, корпоративный капитализм, который стал преобладающей формой экономического устройства в США к началу XX века, принёс обратные последствия: «право собственности и управление фирмами внесли свой вклад в создание большого неравенства между гражданами в богатстве, доходе, статусе, квалификации, осведомлённости, контроле над информацией и пропагандой, в доступе к политическим лидерам» [1, с. 46]. Для восстановления баланса между экономической свободой и политическим равенством Р. Даль предлагает распространить на промышленные предприятия принципы демократического управления, т. е.

стереть границу между собственником и наёмным работником, ведь, «если демократия оправдана в управлении нашим государством, то, следовательно, она оправдана также и в управлении процессом принятия решений в рамках фирмы» [1, с. 72].

По словам политического философа М. Сэндела: «Логика купли-продажи вышла далеко за пределы функции распределения материальных благ и управляет всей нашей жизнью» [4, с. 5]. Несмотря на то, что в демократическом обществе граждане наделены равными правами и обязанностями, свободный рынок даёт возможность откупиться от своих обязанностей тем гражданам, которые обладают экономическими преимуществами. В пример можно привести контрактную армию, которая является классовой дискриминацией, так как позволяет нанимать на военную службу людей, испытывающих острую потребность в деньгах, тем самым освобождая от необходимой повинности более обеспеченную часть общества. М. Сэндел предлагает ограничить рыночные отношения, установив над ними приоритет общественных благ, под которыми следует понимать: гражданские права и обязанности, медицину, образование и т. д.

Таким образом, для того чтобы согласовать политическое равенство и экономическую свободу в демократии необходимо распространить практику коллективного принятия решений на производственную сферу и защитить общественные блага от рыночной эксплуатации.

-
1. *Даль Р.* Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1991. С. 126.
 2. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 412.
 3. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. С. 536.
 4. *Сэндел М.* Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 256.
 5. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 554.

Научный руководитель — д-р филос. наук А. А. Шевченко

Этика насилия и этика ненасилия: ценностные иерархии и аргументация

И. И. Дятлов

Новосибирский государственный университет

Существует длительная традиция морального теоретизирования по отношению к насилию и ненасилию. Проблемы концептуального обоснования насилия/ненасилия актуальны и не имеют однозначного решения, несмотря на многообразие теоретических подходов. Данная работа нацелена на решение следующих вопросов-задач.

1) Какая из существующих этических позиций по отношению к насилию обладает наиболее последовательной и непротиворечивой аргументацией?

2) Какая из существующих теорий обладает наиболее разработанной логикой перехода от морального суждения (оценки) в область действительных мотиваций и действий индивидов?

3) На основе какой теории и каким образом можно формулировать критерии оценки допустимости насильственных действий акторов в период кризисов и революций?

Для решения поставленных задач выделены три ключевые позиции по отношению к насилию.

• Этика ненасилия (религиозные представители — Л. Н. Толстой, М. Ганди, М. Л. Кинг; секулярная версия представлена — А. А. Гусейновым, Р. Г. Апресяном).

Данная этическая теория представляет мораль как ненасилие, которое должно являться неотъемлемым принципом существования человеческого рода. Этика ненасилия провозглашает себя истоком всех последующих гуманистически ориентированных теорий, поскольку все они по-своему обосновывают идеал ненасилия. Если представить аргументацию и ключевые послышки данного направления, то они будут выглядеть следующим образом:

1) в качестве социально-ориентированной теории этика ненасилия провозглашает идеал непротivления злу силой. Даже если кажется, что ненасильственное сопротивление абсолютно пассивно чисто физически, тем не менее оно активно (духовно активно). Идеал теории ненасилия — ненасильственное сопротивление;

2) в свою очередь, ненасильственное сопротивление обосновывается целями и результатами. Именно ненасильственным сопротивлением мы апеллируем к совести и разуму конкретного оппонента по моральной ситуации, пытаемся добиться взаимопонимания.

• Этика насилия (теоретики революционных и радикальных течений от Робеспьера и классических расистов до Троцкого и Ленина; ранние утилитаристы; К. Шмидт, Ж. Сорель, Н. Макиавелли и др.).

1) Насилие имеет инструментальное значение. Поскольку оно решает проблемы (несмотря на потери людей и ресурсов), то оно имеет статус должного и этически приемлемого.

2) Моральные критерии релятивны и ситуативны. Поскольку большинство теоретиков разделяют принцип «цель оправдывает средство», то за поверхностью морального идеала (бесклассовое общество, общество всеобщего счастья и благополучия) скрываются антигуманные насильственные средства достижения этого идеала.

3) Мораль представителей этики насилия с небольшими оговорками укладывается в рамки схемы «свой-чужой» («мы-они»). То, что позволено нам, не позволено им, поскольку их этический проект и моральный идеал неверен, неразумен и т. д.

• Этика частичной оправданности/неоправданности насилия (современные представители деонтологической этики — Алан Гевирт, Алан Донаган, Фрэнсис Кэм и др.)

Деонтология как этическая теория утверждает, что модель нормативной этики может не содержать утилитаристских элементов, вменяющих должное поведение на основе последствий поступков и их апелляции к максимизации удовольствий и благ. Речь идёт о том, что поступки неприемлемы в силу их несоответствия определенным принципам и нормам. То есть действия неверны в силу своей субстанциональной неправильности.

1) Большинство теоретиков исходят из посылки, что каждый индивид, способный использовать свой разум в практических целях, представляет самостоятельную цель и ценность.

2) Человек, осуществляющий деятельность по достижению своих целей, с необходимостью должен признать ряд фундаментальных прав и за другими. Человек самостоятельно и свободно определяет цели своей деятельности. Поскольку право на свободу и на базовое благополучие исходят из самой способности целеполагающей деятельности, которую никто не может отторгнуть от другого человека, то человек, допускающий в своем лице нарушение базовых условий человеческой целеполагающей деятельности (на свободу и благополучие) лишается её также. Таким образом, насилие оправдано только в случае нарушения этих условий.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Н. С. Розов

Проблема комбинирования в современной философии сознания

И. П. Ефимов

Томский государственный университет

В современной философии сознания панпсихизм — учение о том, что сознание является изначальным качеством мира и присутствует везде — является одной из наиболее актуальных теорий, претендующих на звание «фундаментальной». Провал в объяснении связи между физическим и ментальным вызвал множество дискуссий, и панпсихизм (наряду с материализмом и дуализмом) был призван дать объяснение природы данной связи, т. е., в сущности, ответить на один из главных философских проблем — вопроса о том, чем является сознание.

Современный панпсихизм разработан в работах Д. Чалмерса, У. Сигера, Г. Брюнтрупа и других философов. Чалмерс выделяет среди его видов конститутивный панпсихизм. Согласно ему, все существующие реальные объекты состоят из элементарных микрофизических «сущностей» (*microentities*), которые изначально обладают помимо микрофизических свойств (массы, заряда, цвета и т. д.) свойствами микрофеноменальными — теми, из которых в некоторых случаях возникает собственно сознание [1].

Казалось бы, панпсихизм решает «трудную проблему» самым удобным способом. Конститутивный панпсихизм описывает сознательный аспект существования ещё и на микроуровне, что отвечает нормам современной физики. Однако и у панпсихизма имеются свои проблемы и свои противники. Главной проблемой конститутивного панпсихизма большинством философов признается проблема комбинирования (*the combination problem*). Данный термин был введен впервые У. Сигером в 1995 г., однако считается, что она была поставлена ранее У. Джеймсом в его работе «Принципы психологии» (1890 г.). Целью данного исследования является анализ самой проблемы комбинирования и подходов к её решению, представленными в современной философии.

Проблема комбинирования в самом широком смысле является вопросом, как именно элементарные микросознательные сущности вместе составляют целостное сознание. Иначе говоря, кажется весьма неочевидным, что множество элементарных частиц сознания, обладающих зачатками опыта, конституируют одно макросознание, которое имеет свой, собственный опыт. Подобная ситуация вызывает множество дискуссий, в которых предлагаются несколько решений — дефляционистское, феноменилистское, эмерджентистское и теория «ментальной химии».

Согласно дефляционистскому и элиминативистскому подходам, не суще-

стует никаких микро- и макроуровней сознания, т. е. субъект опыта прост и неделим. Эмерджентисты утверждают, что макроопыт не конституируется микроопытом, а появляется независимо от него. Недостатками эмерджентистского и элиминативистского подходов Чалмерс называет то, что, принимая их, конститутивный панпсихизм перестает быть самим собой, т. е. превращается в другие варианты панпсихистской концепции и наследует их ошибки и проблемы [2].

Феноменалистский подход утверждает, что микросущности опыта с необходимостью связаны друг с другом особой «феноменальной» связью (*phenomenal bonding*), которая и объясняет комбинирование микросубъектов в макросубъекта. Феноменальная связь тут представляется такой же сущностной чертой сознания, как пространственно-временные отношения для физической материи. Чалмерс с некоторой опаской говорит, что данный подход может быть наиболее адекватным, однако он вполне резонно задает встречный вопрос: чем конкретно является феноменальная связь?

Существует также теория «ментальной химии» (*mental chemistry*), сформулированная П. Льютасом [3]. Согласно ней, процесс образования макросознания из микросущностей представляет собой не простое объединение конститутивных элементов в макроопыт, а скорее их изменение с сохранением феноменального, т. е. сознательного аспекта.

При подобном многообразии противоречащих друг другу подходов к решению данной проблемы возникает необходимость в синтезе нового решения, что является одной из передовых задач современной аналитической философии сознания.

1. *Chalmers D.* The combination problem for panpsychism. 2013. P. 32. [Электронный ресурс] URL: <http://consc.net/papers/combination.pdf> (дата обращения: 5.03.2018).

2. *Chalmers D.* Panpsychism and panprotopsychism. // The Amherst Lecture in Philosophy. 2013. P. 35. [Электронный ресурс] URL: <http://www.amherstlecture.org/chalmers2013> (дата обращения: 5.03.2018).

3. *Lewtas P.* Building minds: solving the combination problem. 2017. P. 39. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1080/0020174X.2016.1216464> (дата обращения: 5.03.2018).

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент В. А. Ладов

Нарратив как способ понимания своей идентичности

А. Р. Зиганшин

Казанский (Приволжский) федеральный университет

При рассмотрении различных значений термина «идентичность» правильнее всего, как нам представляется, начать с того значения этого термина, по отношению к которому другие значения являются производными. Это значение относится прежде всего к логике: идентичность — «тождественность, одинаковость, полное совпадение чего-нибудь с чем-нибудь». Где мы в этом потоке бесконечных чередований себя в своей же истории, своего же рассказа о себе? Где скачок за считается выходом на самовыстроенное начало себя. Что такое я в этом потоке? Какими критериями я выбираю себя?

Я — это конструкт, где каждая составляющая всего строения, словно лего, вырабатывает нашу идентичность. Ни один знак или символ не даёт основания ответа на вопрос, что есть Я здесь и сейчас. Можно долго ходить вокруг самого принципа выстраивания идентификации через что-то, будь то виртуальная реальность, где мы как проекция, способная на всё, но в тоже время ограниченная всем.

Таким образом, практически ничем нельзя объяснить этот феномен, что есть я как не сама структура понимания себя. Или же самоидентичность через идентификацию себя. Резонно спросить себя, где есть эта идентичность? Приемлемо ли вообще рассуждать об идентичности и об идентичности ли? Круг вопросов мерно расширяется, ставя какую-то невыполнимую задачу перед самим Я и его составляющей. Да и сама постановка вопроса уже становится неверной априори, потому как сначала мы задаемся тем, где, а уже после ищем безумные варианты над тем, что такое идентичность в своей реальности.

Интереснее здесь момент, связанный с другим, где этим другим выступаешь ты. Ты и есть та самая идентичность, где бытие-с-другим стало сопричастным тебе, соучастным тебе, а также оно стало тобой в его истинном виде. Эта вполне обыденная ситуация заставляет меня в очередной раз задуматься о том, какую трансформацию акторных сетей, которыми мы осмысляем повседневную рутину и которая структурирует саму нашу жизнь, мы переживаем ныне, как одновременно сосуществуют разные эпохи и традиции воспроизводства социальной реальности. Вот именно это и формулирует множественность реальностей.

Это даёт ту суть и возможность задавать вопросы, связанные с идентичностью как таковой. Нужно разрушить привычку мысли, что каждая новая реальность оценивается «отдельно», но в координатах какого-то абстракт-

ного метаязыка, описывающего «гиперреальность» как таковую. Восприятие её самой не может существовать отдельно от всего остального сенсорного и интеллектуального опыта, от ранее просмотренного фильма, от имен в титрах, от жизненных неурядиц, от повседневной рутины и множества социальных практик, даже от завтрака этим утром и шума в кинотеатре. Возможность воссоздать субъективные впечатления, не поглощенные псевдонормативным суждениями. Внимание к мелочам, которые, может быть, и не имеют прямого отношения к самой составляющей реальности в рамках идентичности в неё и с ней, но являются решающими в её восприятии.

Идентификация в таком случае — прозрачные мышцы, прилепляемые к скелету огромного организма, проникающим всюду.

Научный руководитель — канд. филос. наук Е. С. Маслов

Транспорт в свете современного научного и философского понимания

А. А. Ковальчук

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск

В середине 1960-х годов в СССР произошли два знаковых события: был запущен первый искусственный спутник Земли и прекращено производство паровозов. Внешне они выглядят случайным совпадением, но по сути их связывает историческая необходимость. Паровоз и через двести с лишним лет после Третьека, несмотря на все научные новации, остался символом ограниченности технических возможностей, жёсткой зависимости мышления от объективной реальности. КПД паровоза вырос за это время в 100 раз, но не превысил 8 процентов. Тем не менее, именно паровоз привёз нас в эпоху атомных силовых установок и космических станций. К. Маркс подчеркнул локомотивную роль железных дорог в создании индустриальной экономики. Производство работало на развитие транспорта, но в меньшей мере и транспорт «трудился» на индустриальный прогресс. Именно эта связка стала системообразующим фактором социально-культурной, экологической и политической динамики новейшего времени и истории.

Смена на транспорте энергетического источника с мускульного, ветрового на паровую, технически получаемую энергию, сформулировала современное понимание транспорта. Он был отождествлён с технической формой существования. Фундаментальных научных исследований транспорта как явления нет. Имеется немало работ, посвящённых социальной истории транспорта, отдельным видом транспорта, созданным в общественном прогрессе, взаимоотношениям транспорта с размытыми сторонами общественной жизни, научно-техническим достижениям в транспортном строительстве, перспективам развития технического транспорта, влиянии транспорта на экономическую ситуацию, состояние международных связей. Транспорт фигурирует в контексте решения глобальных проблем, в частности, в анализе специфики борьбы с угрозами международного терроризма, наркомафии. Монографических философских исследований транспорта нам также обнаружить не удалось, если не считать рассмотрение транспорта в контексте техники, как её направления. Все отечественные энциклопедические источники, претендующие на научный статус, дают дружно ожидаемое определение транспорта как «отрасли материального производства, в ведении которой осуществление перевозки людей и грузов». После чего переходят к классификации транспорта согласно специфике естественных условий эксплуатации. Осторожное упоминание В. И. Далема в его «Толковом слова-

ре» об использовании термина в иных делах — финансовой отчётности, карточной игре остались без внимания. Аналогичные объяснения «транспорта» мы обнаружили и в трехтомной «Энциклопедии техники», изданной в Барселоне и переведённой на русский язык в 2004 году. Надеялись прояснить ситуацию с помощью одной из последних серьёзных работ — «Эволюция наземных видов транспорта в условиях научно-технического прогресса» (Новосибирск-Нерюнгри, 2011), опять безуспешно. Авторы вообще обошлись без определения транспорта.

Технический формат рассмотрения транспорта сужает его понимание до технико-экономического размера. Социокультурные и гуманитарные аспекты остаются в стороне, как и естественный ракурс. В связи с чем мы и ставим ряд вопросов: насколько правомерно отождествлять транспорт с конкретно-историческим выражением его реальности? Корни транспорта находятся внутри общественной истории или транспорт врос в неё? Если энциклопедия *Britannica* определяет транспорт в рамках биохимических механизмов, на молекулярном уровне, что мешает идти глубже в естественную историю, начинать с 1-й секунды Большого взрыва, всепроникающих полей Хиггса, бозонов? Наконец, главное сомнение: транспорт — философская или технико-экономическая проблема, что здесь является базой рассмотрения? Ответ на тот вопрос важен для ориентации политики. Будет ли транспортная политика по-прежнему подчинена экономическим интересам или переориентируется на гуманитарные цели, а экономику будут понимать в качестве инструмента удовлетворения массовых социокультурных потребностей? Даже в Священном писании ковчег спасает тех, кто заслужил, служит средством мировоззренческого осмысления жизни.

Логически проблема статуса транспорта определяется соотношением двух характеризующих его системный статус признаков: быть явлением материального производства и производить перемещение грузов. Толкование груза при этом не конкретизируется, следовательно, «груз» может быть каким угодно. Если базовым признаком выбирать первый, то транспорт действительно экономико-техническое явление, если же второй, то транспорт как минимум делается фактором не столько экономики, сколько человека и человечества, обеспечивая их движением в физическом и социальном пространстве, помогая рационально использовать время. Тогда и появляется очередная, уже глобальная проблема: как называть «перевозчика» вне мира человеческой жизни — в природе? Придумывать новое понятие, затрудняя миропонимание, или активировать резервы существующего, сделав акцент в определении транспорта на «перемещение»? Интересно, но автор статьи о транспорте в энциклопедии *Britannica* отмечает, что транспорт не является исключительно транзитным средством, он ещё и производитель.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент Ю. Д. Мишин

**Насилие в обществе: политические, правовые,
социальные детерминанты**

О. В. Кокорина

Новосибирский государственный университет

Постановка проблемы. Деструктивная природа насилия служит предметом пристального внимания и изучения в разных сферах социальной практики. Причем феномен насилия все более подвергается детализации, превращаясь в дискретное множество, классифицированное по разным основаниям и данным официальной статистики.

Явление, если его изучать в таком подходе, проявляет свою всеобщую природу, выступает в качестве атрибута социальных институтов. По мнению большинства исследователей феномена, «насилие следует рассматривать как средство и способ организации «деструктивного» социального пространства, в котором действуют личность и общество».

Раскрывая природу насилия как деструктивное начало, вполне закономерным представляется и дальнейшая логика исследования феномена в качестве поиска меры нейтрализации насилия, как разрушительного фактора социальной действительности.

Если учитывать репрезентативность статистических данных уровня насилия в разных сферах (правовой, политической, социальной) российского общества, то и вопрос чаще ставится не к природе феномена, а к последствиям его для реалий, способов устранения деструктивного социального проявления.

Методология исследования. Анализ дискретных данных, на наш взгляд, менее всего способен раскрыть всеобщую природу насилия как социального феномена. Для изучения сущности явления в философском аспекте важно не покидать его универсальную почву, исследовать феноменологическую природу, оставляя статистические показатели для оценки в предметных областях социального знания. Поэтому выявление природы детерминации насилия и институализация явления, на наш взгляд, способны дать несколько отличное понимание его социальной природы.

Исследование детерминант насилия в качестве маркеров институализации дает шанс раскрыть диалектическую суть насилия и, вполне возможно, выявить основания для пацификации, не покидая феноменологического поля. Более предметно вопрос может быть поставлен следующим образом: почему деструктивный элемент наделен такой диалектической силой: позволяет через отрицание достигать своего противоположного начала — служит на благо общества?

Помимо двух выше указанных методов исследования насилия: изучения всеобщей природы феномена и форм институализации насилия в социуме, важен еще один аспект — пограничная сущность насилия. Выступая деструктивным началом, насилие оголяет таким образом грани пограничного состояния общества, требующие новых подходов в социальной практике.

Перспектива исследования. Вполне возможно, что раскрытие природы феномена насилия в новом ракурсе будет в основе своей базироваться не на требования «искоренения», «негации», «запрета», «борьбы», а на позитивных способах решения социальных проблем, что и кроется в сущности термина «пацификация». Мамардашвили в своих выступлениях заострял внимание аудитории на парадоксе применения военной терминологии в борьбе с насилием.

Получается, что насилие лишь порождает аналогичные формы социальной практики, удваивая и отражая деструктивные формы социальной действительности: не устраняя деструктивное начало, а запуская тот самый механизм самоуничтожения, который выступает для человечества в его непосредственной форме, в категории зла. Зло удваивается в способах ответа на насилие.

Поскольку объем работы ограничен постановкой вектора исследования, он позволяет послужить началом более детального изучения проблемы насилия в эпистемологическом подходе, оставляя неизменной исследовательскую цель — поиск варианта трансформации деструктивного начала в этап позитивного раскрытия сильнейшего потенциала человеческой агрессии. Не будем забывать великий постулат, что агрессия — это воля к жизни. А насилие — это рациональная форма агрессивного поведения. Остается лишь осознать волю к жизни в аутентичных формах, порождающих позитивные трансформации в обществе.

Научный руководитель — канд. полит. наук, доцент Д. В. Березняков

Проблемы ценностных ориентаций в философии

И. В. Коротков

Новосибирский государственный аграрный университет

Проблема ценностей молодёжи на фоне динамичных социокультурных процессов давно находится в центре внимания исследователей. Интерес к данной теме определяется следующими факторами. Одними из основных факторов являются глобализация и реализация различных вариантов модернизации индустриально развитых обществ, что способствует унификации ценностной системы молодых людей в соответствии с западной ментальностью [3]. Не менее важным фактором является дестабилизация ценностной системы российской молодежи вследствие распада Советского союза и значительных перемен в идеологии российского общества [3]. Во многих исследованиях отмечается, что современное российское общество находится в состоянии социальной аномии, при которой разрушается его культурная и социальная целостность, размываются морально-нравственные эталоны и ориентиры, утрачиваются традиционные социальные ценности. Аномия общества обусловлена расхождением между потребностями и интересами части его членов, с одной стороны, и возможностями их удовлетворения — с другой [1].

В связи с этим уместно будет провести собственное исследование ценностных ориентаций молодежи, в частности студентов-магистрантов Новосибирского государственного аграрного университета (НГАУ).

Основной целью данного исследования являлось выявление ценностных ориентаций студентов-магистрантов инженерного института НГАУ первого курса обучения. Были поставлены задачи, такие как изучение и проведение исследования по методике М. Рокича и обсуждение результатов исследования.

За основу исследования была взята методика Милтона Рокича, заключающаяся в ранжировании испытуемыми двух списков ценностей: терминальных (т. е. целей всего 18) и инструментальных (средств их достижения — всего 18) [4]. К терминальным ценностям относят: «активную деятельную жизнь», «жизненную мудрость», «здоровье», «любовь», «материально обеспеченную жизнь» и др.; к инструментальным ценностям относят: «аккуратность», «воспитанность», «жизнерадостность», «исполнительность», «ответственность» и др. [4].

Исследование проводилось нами на базе НГАУ, респондентами являлись студенты-магистранты инженерного института 1-го курса обучения 2016–2017 и 2017–2018 годов обучения. Изучение метода ранжирования посредством тестирования проводилось в рамках дисциплины «Логика и методология науки».

Результаты нашего исследования показали, что среди терминальных ценностей у студентов-магистрантов 2016–2017 гг. оказалось на первом месте «здоровье» (физическое и психическое), у студентов-магистрантов 2017–2018 гг. сохраняется тенденция укрепления физического и психического здоровья, процент реализации у обеих групп свыше 60 %, что в будущем должно положительно сказаться на генофонде страны. Основной инструментальной ценностью студенты-магистранты 2016–2017 гг. указали «воспитанность» (хорошие манеры) с реализацией свыше 70 %, а студенты-магистранты 2017–2018 гг. — «ответственность» (чувство долга, умение держать свое слово) с процентом реализации свыше 75 %, что может служить, на наш взгляд, предпосылкой к созданию воспитанного, гражданского общества, что повлечет за собой повышение качества общения, и, как следствие, повышение уровня жизни граждан.

Общероссийскими ценностями могут быть: «жизнь», «здоровье», «природа», «любовь и семья», «эротика», «секс», «образование и культура», «труд», «карьера», «собственность», «идеология в обществе» [5].

1. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

2. *Заморский В. В.* Философский анализ ценностной системы российской молодежи: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. 18 с.

3. *Корниенко Н. А.* Новые исследования эмоционально-ценностной сферы личности: Монография. Новосибирск: Сиб. книж. изд-во, 2016. Кн. 4. Ценности, эмоции, цвет, личность. 644 с.

4. *Леонтьев Д. А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М.: СМЫСЛ, 1992. 17 с.

5. *Никандров Н. Д.* Воспитание ценностей: российский вариант. М.: Магистр, 1996.

Научный руководитель — д-р психол. наук, проф. Н. А. Корниенко

Онтологические и методологические границы миросистемной концепции И. Валлерстайна

М. А. Мельникова

Новосибирский государственный педагогический университет

Миросистемный анализ, оформившийся к концу XX века, стал попыткой объединения и логического решения вопросов о единице анализа, о временных отрезках и о разобщенности социальных наук.

Одним из главных представителей миросистемного подхода является И. Валлерстайн. Концепция И. Валлерстайна частью схожа с концепциями других представителей миросистемного подхода, частью — различна. Рассмотрим границы миросистемной концепции И. Валлерстайна.

Главной онтологической границей миросистемной концепции является отсутствие у исследователей общей договоренности о содержании базовых категорий и единых представлений о взаимосвязях элементов миросистемы. Центральными категориями миросистемного анализа являются «центр-периферия» и «полупериферия». Для И. Валлерстайна сущность ядра миросистемы связана с процессом эксплуатации и накопления; ключевым показателем, по которому можно отличить процессы ядра от процессов периферии, является степень монополизации, а соответственно, прибыльности [1, с. 220]. В то же время Дж. Модельски и У. Томпсон связывают сущность ядра с производством и монополией инноваций в экономике, а также с возможностями центра принимать решения, устанавливающие мировой порядок после мирового конфликта; К. Чейз-Данн и Т. Холл — с интенсивным развитием технологий и сложностью социальной структуры; Д. Уилкинсон — с военно-политическим доминированием и зависимостью [2]. Также открытым остается вопрос зависимости элементов миросистемы друг от друга.

Ограниченность методологического инструментария, а также акцент исследований И. Валлерстайна, прежде всего, на динамику ядра как единственного центра в иерархии миросистемы, приводит к трудностям при объяснении формирующейся многополюсной мировой системы.

С проблемой отсутствия четко проработанного содержания основных категорий тесно связана проблема неясности критериев отнесения государств на ту или иную ступень миросистемы.

Вероятно, трехуровневая структура миросистемы достаточна, чтобы описывать систему целиком, но все же слишком мала для детального анализа ситуации и перспектив конкретной подсистемы, принадлежащей к одному из трех уровней пространства, и часто оказывается недостаточной

для изучения динамики существующего разнообразия государств и подконтрольных им обществ.

Миросистемный подход, несомненно, является экономоцентрированным направлением, однако экономическая теория, которая позволяла бы исследовать развитие стран разных уровней миросистемы, отсутствует.

Хронологические рамки современной миросистемы также вызывают разногласия. По мнению И. Валлерстайна, современная миросистема зародилась в XVI веке; он отказывает в статусе миросистемы всем примерам глобальной торговли до XVI века; критериями определения миросистемы являются торговля на дальние расстояния и разделение труда. И. Валлерстайн утверждает, что мы не можем просто включить в нее любую часть мира, с которой Европа торговала [3]. В противовес И. Валлерстайну, Дж. Абу-Луход считает, что он начинает объяснение миросистемы слишком поздно, что система торговли XIII века и современная миросистема — обе являются миросистемами, имеющими различия и подобию [4].

Миросистемный подход представляет собой лишь широко признанную в области социальных исследований парадигму, на основе которой пока только начинают формироваться научно-исследовательские программы — этим объясняется отсутствие прочной теоретической базы. Миросистемный анализ — трансдисциплинарный подход: в этом, с одной стороны, заключены его преимущества, с другой — серьезные трудности, которые невозможно будет быстро преодолеть.

1. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М., 2006. 248 с.

2. *Изгарская А. А.* Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2015. 45 с.

3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. 414 с.

4. *Abu-Lughod J. L.* Before European hegemony. The world system A.D. 1250–1350 / J. L. Abu-Lughod. Oxford University Press, 1989. 443 p.

Научный руководитель — д-р филос. наук А. А. Изгарская

Интолерантность в современном обществе: причины возникновения и формы проявления

А. Е. Минаева

Новосибирский государственный университет

В условиях современных социокультурных трансформаций, наряду с развивающимися стремительными темпами идеями свободы и всеобщего равенства, в обществе достаточно часто проявляется феномен интолерантности, который выражается в форме несогласия и неприятия особенностей и отличий одного человека или группы лиц от других индивидов.

Как известно, интолерантность зародилась вместе с первобытным обществом, когда одна группа людей стала обладать большими ресурсами и возможностями, а другая была вынуждена подчиниться и принять определенные рамки поведения, без соблюдения которых обеспечить свое существование оказалось крайне проблематичным. В частности, одним из критериев, по которому третировались люди, могло являться их положение на социальной лестнице. Например, отсутствие гражданства у одного индивида в Древней Греции давало повод остальным не признавать его полноценным человеком, каким бы богатством или моральными качествами он бы ни обладал. Положение раба во все времена считалось худшим из возможных: его лишали не только социальных и политических, но даже личных прав и свобод, делая полностью зависимым от своего господина. Расовая, гендерная, религиозная принадлежность, возрастные рамки, принадлежность к той или иной профессии, социальному слою, даже к определенному роду и семье: все это могло стать поводом унижить человека, лишить его каких-то важных ресурсов, прав и свобод, даже жизни. Но иногда ущемленные группы давали отпор угнетателям: примерами этому могут служить рабские восстания, движение суфражисток, митинги рабочих и крестьянские бунты.

В двадцатом веке особенно ярким проявлением термина «интолерантность» можно считать Вторую мировую войну, когда расовые различия между людьми привели к ожесточенным конфликтам и огромным людским потерям. После окончания Второй мировой войны расовая интолерантность с точки зрения превосходства «арийской нации» подверглась критике, что повлекло за собой развитие движений, защищающих права меньшинств разного толка: сексуальных, феминистических, расовых и ряда других.

В результате проведенного исследования выявлено, что в современных социокультурных условиях интолерантность проявляет себя в новых формах. Если в период становления индустриального общества интолерантность могла приобретать глобальные масштабы только будучи возведенной

в ранг государственной идеологии (фашизм, расизм и т. д.), то условиях формирующегося общества знания, неразрывно связанного с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий, она имеет возможность переходить в «личное пользование» каждого: человек способен не только самостоятельно выбирать источники и каналы получения информации в большем объеме, определять собственную точку зрения, но и формировать общественное мнение посредством сети Интернет. Общественное мнение, сформированное таким образом, не является объективным, поскольку полностью зависит от внутренних установок формирующего его субъекта. В случае если пользователь сети не только интолерантен, но и готов к активным действиям, то посредством сетевой коммуникации оказывается возможным собрать большую группу «единомышленников и последователей» без личного присутствия и независимо от места нахождения каждого, что может привести к глобальным радикальным последствиям.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент В. В. Петров

Место и роль войск национальной гвардии в российском обществе

Н. А. Охотник, А. В. Поединкин

Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации

Современные события в России и за рубежом, связанные с использованием военной силы для сохранения мира, а при необходимости и ведения войны, предполагают уяснение методологии анализа этих социальных явлений, рассмотрение их места в обществе, служебно-боевой деятельности, действительного назначения вооруженных сил России в целом, в том числе войск национальной гвардии. На наш взгляд, место этих вооруженных формирований в обществе следует рассматривать через главные структурные элементы общества, прежде всего через сферы общественной жизни, а социальную роль, которая выражается в их служебно-боевой деятельности, следует объяснять через их функции. Основной вопрос здесь заключается в том, каким образом это можно сделать.

Чтобы понять, что такое войска национальной гвардии и где их место в российском обществе, начнем с понятия вооруженных сил государства, которое часто отождествляют с понятием армии. Действительно, понятие «армия» имеет несколько значений: совокупность всех вооруженных сил государства; сухопутные войска, в отличие от других видов войск, например, ВМФ, ВВС и др.; оперативное объединение, включающее корпус, дивизии и иные соединения части армейского подчинения.

Мы под термином «армия» будем понимать совокупность всех вооруженных сил государства. В этом случае под это понятие подпадают и войска национальной гвардии. Войска национальной гвардии Российской Федерации — государственная военная организация в Российской Федерации, предназначенная для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Они были созданы в апреле 2016 г. Указом Президента Российской Федерации на базе внутренних войск МВД России. Это отдельная силовая структура, подчиненная непосредственно Президенту Российской Федерации.

Для определения их места в российском обществе обратимся к социально-философскому анализу общества, который предполагает его рассмотрение через сферы общественной жизни. В философской литературе, как правило, выделяют четыре основные сферы: материально-производственную (экономическую), социальную, политическую и духовную. На наш взгляд, войска национальной гвардии, как и другие силовые структуры, должны

входить в политическую сферу жизни российского общества, в такую его часть, которая называется государством.

В 90-х гг. прошлого века стал актуальным тезис о деполитизации армии и других силовых структур, который внес непонимание места этих силовых структур в российском обществе, непонимание того, в какую сферу нашего общества они должны быть включены. Здесь речь должна идти не о деполитизации этих силовых структур, а о департизации, поскольку в советское время они выполняли волю КПСС, политбюро которой стояло над государством. И даже несмотря на то что они не являются самостоятельным субъектом политической деятельности, какими являются политические партии и государство, они реализуют политическую волю главного политического института российского общества — государства. Поскольку государственная власть направлена на обеспечение безопасности как самой власти, так и безопасности российского общества и каждого его представителя, реализация этой безопасности возлагается на силовые структуры, в том числе и войска национальной гвардии РФ. Этим определяется их место в российском обществе как государственной структуры и их социальная роль.

Социальная роль войск национальной гвардии РФ — это их предназначение, их служебно-боевая деятельность, объяснение которой можно сделать через функциональный анализ, через раскрытие их функций. Так, автор главы «Философия армии» учебника по философии военного университета МО РФ А. Д. Середя утверждает, что «под функциями принято понимать совокупность закономерных, системообразующих отношений между армией и обществом, обеспечивающих целостность общества. По сферам функции могут быть внешними и внутренними. Содержание внутренних функций является показателем места и роли армии в жизни конкретного общества. Во внешних функциях проявляются взаимоотношения с другими государствами и армиями» [6]. Здесь ничего не говорится о функции как ее действиях. Авторы статьи «Вооруженные силы России в структуре государственных институтов власти» А. Брега и Н. Ластовенко утверждают, что «под функциями вооруженных сил подразумеваются обязанности, основные направления, круг деятельности и роль, которые они призваны исполнять относительно потребностей общества и государства...» [1]. Однако здесь классификация функций не имеет единого основания.

Обычно под функцией понимают действие элемента системы на другие элементы или на систему в целом. На наш взгляд, при объяснении служебно-боевой деятельности как вооруженных сил в целом, так и войск национальной гвардии, следует различать две основные функции и ряд задач, которые, по сути, являются подфункциями. Между функциями и задачами в данном случае предполагаются родовидовые отношения. Обоснование нашей точки зрения на понимание служебно-боевой деятельности армии и войск национальной гвардии представим в виде функционального объяснения.

Согласно В. Бостоку, функционализм — это теория, в которой объяснение социальных проблем ищется в понятиях отношения части и целого, то есть осмысливается через понятие функции, которую выполняет объясняемое явление по отношению к некоторому целому, считающемуся организмом, целостностью [7]. Как отмечал один из функционалистов Р. Мертон, «социальная функция обозначает наблюдаемые объективные следствия, а не субъективные намерения (цели, задачи, мотивы)» [5]. Точно так же можно поступать при функциональном объяснении служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии.

Отсюда следует, что функция войск национальной гвардии (и других вооруженных формирований государства) — это их служебно-боевая деятельность по предотвращению, локализации и нейтрализации внешних и внутренних угроз государству. В зависимости от того, какие основные угрозы безопасности государства устраняют своей деятельности армия и войска национальной гвардии, — внешние или внутренние — их функции подразделяются на внешние и внутренние. В анализе функций должны также учитываться случаи их совпадения или несовпадения с намерениями людей: осознавалась ими и нашла отражение в законах — это явная функция, не входила в намерения людей и не отражена в законах — это латентная (скрытая) функция [2–4].

Применительно к современной России это означает, что те вооруженные формирования государства, которые своей основной деятельностью устраняют внешние угрозы, для которых доминирующей, существенной и явной выступает внешняя функция, образуют Вооруженные Силы России, Российскую армию. Ту часть вооруженных формирований, которая своей основной деятельностью устраняет внутренние угрозы безопасности государства и общества и которой в силу этого присуща внутренняя функция как явная и доминирующая, называют войсками национальной гвардии Российской Федерации.

Как российская армия, так и войска национальной гвардии могут выполнять обе функции — и внешнюю, и внутреннюю. Если для войск национальной гвардии обе эти функции (при доминировании внутренней функции) являются явными, поскольку оговорены в законах, то для армии внутренняя функция длительное время была латентной. К настоящему времени внутренняя функция армии из латентной переходит в явную функцию, о чем свидетельствует как Военная доктрина Российской Федерации, так и ряд законодательных актов.

Говоря о функции армии и войск национальной гвардии, следует учитывать, что термином «функция» не должны охватываться все следствия их деятельности. Те следствия, которые негативно влияют на адаптацию целостной системы, дестабилизируют жизнь государства, являются дисфункциями. Существует также эмпирическая возможность нефункциональных

следствий, просто безразличных для рассматриваемой системы функциональных связей, в нашем случае — для государства (например, участие войск в уборке урожая, в борьбе со стихийными бедствиями и т. п.). Эти нефункциональные следствия могут учитываться при объяснении социальной роли армии и войск национальной гвардии, но не должны подпадать под термин «функция».

Таким образом, служебно-боевая деятельность армии и войск национальной гвардии рассматривается через их функции — внутреннюю и внешнюю. Внутренняя функция — это объективные следствия служебно-боевой деятельности армии и войск национальной гвардии по предотвращению, локализации и нейтрализации внутренних угроз государству. Внешняя функция — это объективные следствия служебно-боевой деятельности армии и войск национальной гвардии по предотвращению, локализации и нейтрализации внешних угроз государству. Реализация названных функций осуществляется через выполнение возложенных на них задач. Совокупность основных угроз и задач определены в Военной доктрине Российской Федерации и федеральных законах «Об обороне», «О безопасности», «О борьбе с терроризмом», «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и др.

Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» четко определяет задачи войск национальной гвардии, которые применительно к функциям находятся в родовидовом отношении, являются подфункциями либо внутренней, либо внешней функции. Реализация внутренней функции войсками национальной гвардии включает такие задачи служебно-боевой деятельности, которые направлены на устранение внутренних угроз для общества и государства. Реализация внешней функции войсками национальной гвардии включает ряд задач, направленных на устранение внешних угроз, исходящих от других государств либо международных террористических и экстремистских организаций. В целом функциональное объяснение предполагает анализ внешних и внутренних угроз для нашего государства, предотвращение, локализация и нейтрализация которых возлагается на военную организацию, прежде всего на армию и войска национальной гвардии Российской Федерации.

1. Брега А., Ластовенко Н. Вооруженные силы в структуре государственных институтов власти. http://goup32441.narod.ru/files/ogp/001_oporn_konspekt/2009/2009-12-2.html.

2. Мартянов Н. В. Социально-философские аспекты мира, войны, армии и внутренних войск. Новосибирск: НВИ ВВ МВД России, 2013. С. 32–34.

3. Мартянов Н. В., Борщ А. А., Утюганов А. А. Социально-философские аспекты осмысления феноменов мира и войны // Гуманитарные проблемы военного дел. Военно-научный журнал. 2015. Вып. № 2 (3). С. 41–44.

4. *Мартьянов Н. В., Утюганов А. А., Наумов П. Ю.* Актуальные проблемы философии. Новосибирск: НВИ ВВ МВД им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России, 2015.

5. *Мертон Р. К.* Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Информ. бюллетень ССА. Вып 1. М.: 1968. С. 89.

6. Философия. М.: ВУ, 1998. С. 109–113.

7. *Bostok W. W.* Approaches to political explanation. Sociological, moral, cultural. Melbourne, Washington DC: RDA Press, 1983. P. 3.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Н. В. Мартьянов

Форсайт как ключевой инфраструктурный элемент современного университета

Л. В. Плюснин

Томский государственный университет

Уже достаточно давно в философской среде существует положение о том, что структура наших образовательных институтов сильно зависит от нашего понимания человека и от нашего технологического уклада. В этом смысле к образовательным институтам окружающий универсум предъявляет определенные требования, требования времени. Весьма печально, когда сфера образования этим требованиям не соответствует или соответствует не полностью, так как в таком случае она осуществляет неадекватную социализацию индивида, которая в свою очередь выражается в огромном количестве проблем рынка труда и социума.

Еще во времена зарождения критической философии М. Хоркхаймера и Т. Адорно стало ясно, что качество развития социальных институтов отстает от развития техники, тем самым, как заметил уже Ю. Хабермас, «власть технического распоряжения природой, ставшая возможной благодаря науке, распространяется сегодня непосредственно на общество» [4, с. 126]. Это не могло не отразиться на классическом университете, более того, это может в некоторой степени приблизить его конец. М. Барбер сравнивает классический университет с монолитом, который с первого взгляда невероятно твердый, но которому грозит скорое обрушение [2, с. 160]. Он выделяет огромное множество факторов начиная от макроэкономических и заканчивая проблемами конкуренции [2, с. 160–176], но важно здесь то, что так или иначе они зависят от технологий, формирующих облик современности. Все эти факторы в совокупности создают ситуацию неопределенности. Большая часть процессов при переходе из формы характерного для индустриального общества к форме постиндустриального общества утратила статичность и обрела коммуникативную форму, конструируемую из огромного количества факторов, из окружающего мира в первую очередь.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в рамках университета надо учиться работать с неопределенностью. Проблема в том, что достоверно преодолеть неопределенность нельзя, однако можно переводить ее в статус коммуникативного процесса, создавать непрерывную дискуссию по поводу неопределенности. О чем-то похожем писал Б. Латур в работе «Why has critique run out of steam?», он предлагал использовать коммуникацию в онтологическом ключе, однако это не отменяет ее использование в эпистемологическом.

Классический университет — это детерминированная структура, которая предоставляет мало маневра для междисциплинарных исследований и что самое важное — для коммуникации в процессе обучения. В таких условиях продуктивно бороться с неизвестностью затруднительно, это один из факторов, побуждающий классические вузы отказываться от своей классичности, выбирая иной организационный путь. Но, как представляется, это не единственный возможный сценарий.

Практик, которые работают с будущим, не так уж много, одной из весьма эффективных можно считать практику форсайта. Эта практика представляла собой процесс коллективного прогнозирования при помощи разнообразного набора инструментов, имея на выходе определенную картину будущего, соразмерно которой выстраивается деятельность в настоящем. Изначально форсайт был исключительно экспертной практикой, однако уже в двухтысячных годах он приобрел коммуникативный смысл и стал не только прогнозировать, но и создавать условия для принятия управленческих решений, когда сообщества вырабатывают нормативы дальнейшего поведения для себя соразмерно с прогнозируемой ситуацией.

Для сохранения университета в его классичности в смысле фундаментальности и гуманитарности необходимо создавать инфраструктурные (сервисные) площадки, которые смогут обеспечить коммуникативные процессы, направленные на работу с нестатичными объектами как будущее. Иными словами, практика форсайта может создать поле для организации продуктивного и что самое главное — коллективного действия, основанного на сотрудничестве для совместного решения междисциплинарных задач в стремительно меняющемся мире.

1. *Latour B.* Why has critique run out of steam? From Matters of Fact to Matters of Concern 2003 // *Critical Inquiry* — Special issue on the Future of Critique. 2004. Vol. 30. 225–248 p.

2. *Доннелли К., Ризви С., Барбер М.* Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция / Пер. с англ. Н. Микшиной [электронный ресурс] / Электронная версия журнала Вопросы образования. 2013. № 3. 152–229 с.

3. *Соколов А. В.* Форсайт: взгляд в будущее [Электронный ресурс] / Электронная версия журнала «Форсайт». М., 2007. Т. 1. № 1. 8–15 с.

4. *Хабермас Ю.* Наука и техника как «идеология» / Пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 50–136 с.

5. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого, очерки политической теории; «Насколько разумна власть должностования» / Пер. с нем. Ю. С. Медведева. СПб.: Наука, 2008. 51–119 с.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Г. И. Петрова

Модели принятия решений и принципы рациональности

Т. В. Прокопьева

Новосибирский государственный университет

Рациональные решения человека являются результатом упорядоченного непротиворечивого процесса мышления, они поддаются формализации, логизации и определению [4, с. 5–7]. Можно определять рациональное также в соответствии с термином эффективности через достижение максимальной пользы и оптимизации деятельности. Рассматривая модели принятия решений с точки зрения влияния рациональных предпосылок, а также представлений об окружающей действительности на деятельность человека, можно выделить два типа моделей.

Вплоть до середины XX в. поведение человека экономисты, считали рациональным. Американский экономист XX–XXI вв. Р. Талер писал, что при построении своих моделей, экономисты подменяют *homo sapiens* (человека разумного) на *homo economicus* (человека рационального). В то же время «люди часто ведут себя неправильно, а это означает, что экономические модели дают ошибочные прогнозы» [3, с. 17–18]. В рамках этой модели большинство отклонений от рациональности обусловлено эмоциями. Окружающий мир представляется в виде детерминированной реальности.

Израильский и американский психологи и экономисты XX–XXI вв. Э. Тверски и Д. Канеман и их последователи на основании многолетних исследований предложили альтернативную модель влияния рациональных предпосылок на поведение людей. По их мнению, люди находятся в иллюзии, что действуют рационально. Иррациональное же поведение людей систематично и предсказуемо. Исследователи убеждены в определяющей роли случайности, аномалий и неопределенности окружающего нас мира. По мнению американского экономиста и мыслителя XX–XXI вв. Н. Талеба, искажения рассуждений проистекают из нашей неспособности рассматривать цепочку фактов, не связывая их логической связью и объяснениями, упрощать и сводить многомерность событий к минимуму [2, с. 119–128.].

Э. Тверски и Д. Канеман вводят понятие эвристических принципов, которыми руководствуются люди в процессе принятия решений. Эвристические знания — это знания, полученные по мере накопления опыта в какой-либо области, при решении конкретных практических задач. Причинами ошибок являются также интуиция, ценностные ориентации и эмоции.

Таким образом, в связи с развитием цифровых и информационных технологий, характерными особенностями современного общества является динамичность и неопределенность. Для оптимального анализа процесса

принятия решений человека в современном обществе больше соответствует модель второго типа. Вызов внешней среды требует от человека способности верно оценивать окружающую его действительность. Объективная же ограниченность когнитивных возможностей человека: скорости восприятия и переработки информации, оперативной памяти и т. п., а также влияние эмоций и эвристических знаний является основой многих наблюдаемых ошибок, противоречий и нелогичностей в процессах принятия решений. Поэтому для формирования верной оценки окружающей действительности, в том числе вероятности случайных событий, человеку зачастую требуется помощь. Способом для того, чтобы избежать ошибок, тем самым достигая рациональности, является избавление от корреляции ошибок, развитие статистического мышления, накопление и постоянное обновление релевантной информации.

1. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2013. 656 с.

2. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Константиновой, О. Попова под ред. М. Тюнькиной. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2010. 527 с.

3. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать» / Пер. с англ. А. Прохоровой. — М.: «Э», 2017. 368 с.

4. Целищев В. В., Хлебалин А. В. Интуиция, формальная онтология и семантика знаков в формализме Гильберта // Онтология, гносеология, логика. С. 5–11.

Научный руководитель — д-р философских наук, проф. В. С. Диев

Дебатные технологии в образовательном процессе как альтернативное новшество современной системы образования

А. С. Ржата

АНПОО «Томская Банковская Школа»

Современное информационное пространство представляет собой сложную систему взаимодействия объектов, вступающих в информационное взаимодействие посредством технологий и технических каналов коммуникации. Фактически безграничные возможности каналов коммуникации и новейших информационных технологий усложняют процесс «фильтрации» поступающей информации. Время не стоит на месте, и с совершенствованием информационных технологий, а также с «укоренением» клипового мышления воздействие на массовое сознание облегчается. Но многими аналитиками и философами укоренение клипового мышления объясняется ответом на возросшее количество поступающей информации.

С момента распада СССР в системе образования многое изменилось, что привело как к позитивным, так и к негативным последствиям. Так, неоднозначную реакцию вызывает внедрение ЕГЭ, введенное в 2001 г. под руководством Владимира Филиппова. Несмотря на преимущества нововведения, главная причина критики кроется, как выразился в свое время Г. А. Зюганов, в системе «угадайка», которая негативно сказывается на уровне подготовки выпускника школы. А кто как не молодое поколение является залогом будущего нашей страны? Система образования является неотъемлемым фундаментом, формирующим навыки в обучении и работе, а также мировоззрение молодого поколения.

Актуальность данной статьи заключается в том, что технологии дебатов в системе современного образования являются эффективным способом «нейтрализации» негативных сторон клипового мышления, ставшего неотъемлемой частью нашего общества. В исследовании затрагиваются отрицательные стороны клипового мышления и рассматриваются дебаты как способ борьбы с ними.

В исследовательской работе рассмотрены дебаты как один из способов коммуникации, который соединил в себе межличностные, жестовые и вербальные свойства, необходимые в современном образовательном процессе. Особенно остро данный вопрос стоит в освоении гуманитарных дисциплин, в котором выражено затруднение студентов в интерпретации и формулировании своей позиции по определенной проблематике. Сложности в изучении философских дисциплин, в неполном усвоении материала у студентов подтолкнули нас к внедрению технологии дебатов в образовательный процесс, которую мы считаем очень эффективной.

Приводится пример организации практического занятия с применением дебатных технологий, описывающий все его преимущества. С целью углубленного изучения данной проблемы сделан контент-анализ ряда философских работ, посвященных информационному обществу и клиповому мышлению, а также работ социологов и политологов, изучающих дебатные технологии.

Сделано заключение о значимости дебатов в образовательном процессе для студентов, выражающихся в развитии социальных навыков общения, формирования активной жизненной позиции.

-
1. Дебаты: Учебно-методический комплект. М.: Бонфи, 2001. 296 с.
 2. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры: перев. с англ. М.: Эльга, 2004. 217 с.
 3. Филимонова Т. Школа социального успеха: учеб. пособие. М.: Школа-Пресс, 2010. 210 с.
 4. Хайнрихс Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 377 с.

Научный руководитель — преп. А. М. Аюрова

Пространство как медиальный комплекс

А. А. Сулаев

Новосибирский государственный университет

Пространство является одной из самых распространенных, эффективных и в то же время не уточненных метафор в истории. Как заметил в 1972 г. Анри Лефевр, все говорят о пространстве «языка», «дискурса», о «пространстве смыслов» и многих других пространствах, но никто не удосуживается определить само пространство. Сам Лефевр, ссылаясь на Лейбница, говорит о том, что пространство «само по себе» — это невыразимое (то есть категория — как у Аристотеля?), но разговор о пространстве приобретает смысл лишь с того момента, как в нем начинает располагаться тело, способное менять положение в этом пространстве. Анализируя свое же утверждение о расположении тела, Лефевр замечает, что, помещая тело в абстрактное пространство, мы не вносим никакой конкретики в отношении между телом и пространством — по сути, тело может находиться везде и нигде, уже являясь пространственным объектом и занимая какое-то пространство. Конкретика появляется лишь в тот момент, когда мы говорим о теле как сущности, производящей свое пространство — внутри своих рамок. Это тело сразу же представляется как нечто, заключающее энергию — и живое у Лефевра. Здесь законы распространения энергии обуславливаются одновременно структурой тела и «законами различимости» пространства. «Пространство как таковое — различность локусов».

Различие локусов определяется их замкнутостью. Лефевр упоминает, что внутреннее пространство приобретает новые формы, структуры и функции. Функции чего-либо относимы только к чему-то внешнему. Формы и структуры предлагается разграничить по принципу часть/целое, где структура — это вид взаимодействия частей, а форма — совокупное взаимодействие пространства с внешними пространствами-локусами. В этом месте проявляется слабая сторона замкнутости, так как любая сложная форма имеет точки сцепления, которые крайне похожи по способу работы на структуры.

После приравнения тела к его внутреннему пространству внешнее пространство для этого тела обуславливается теми же законами передачи энергии, а ограничивается — контурами движения энергии, которые и окажутся формой пространства. Процесс прохода энергии, ее изменения в виде меток и следов — явления, определяющие пространство, элементы контура. Так, следующая гипотеза: «Пространство осмысляемо только в виде энергетической системы».

Таким образом, пространство для субъекта воплощается в двух вещах: картографической ориентации, которая является некоторым взаиморасполо-

жением одного локуса (тело субъекта) ко всем прочим, и ориентационной потребности, в которой субъект реализует свое действие (вос-)производства пространства. Процесс ориентации в пространстве оказывается оформлением энергии, и это значит, что пространство — это соотношение энергии как медиа и формы (по Никласу Луману) в виде преобразующих эту энергию структур. Так как пространство осмысленно только в ориентации, оно раскрывается именно как комплекс противопоставлений внутренней и внешней структуры локусов, и именно через эту оппозицию мы выясняем изменение энергии в сцеплении локусов, и, в конечном итоге, всего пространства.

Окончательная гипотеза: «Пространство — это комплекс медиаторов», где комплекс обозначает сцепление всех контуров преобразования энергии. Контуров складываются в новые медиа и получают свою собственную изменчивую форму и аксиоматику взаимодействия. Таким образом, энергия является предельным медиа, но само отношения медиа-форма не ограничивается свойствами энергии. Лефевр различает грубую и тонкую энергию, где вторая представляет из себя информацию. Именно в контексте информации Луман и рассуждает о медиа, а мы приходим к связи между социальным, психологическим и биологическим.

Данный методологический подход позволяет нам отслеживать связь между далекими на первый взгляд пространствами, а также работать непосредственно с их структурой. Например, интернет-пространства являются значимой сферой современного социального пространства, однако на данный момент его изучают, как правило, в отрыве от реального пространства. Те же исследования, которые связывают реальность и виртуальность, воспринимают интернет либо исключительно как средство передачи информации, либо прослеживают корреляции, упуская целые пласты данных. Данный же подход связывает интернет и реальность через множество понятий, включая присутствие, внимание и возможности производства. Ввиду разнородности современного социального пространства восприятие пространства как медийного комплекса представляется наиболее удобным и продуктивным для исследования.

Научный руководитель — канд. филос. наук И. С. Кудряшов

«Университет 3.0» в российских условиях: возможность адаптации

С. С. Уколов

Новосибирский государственный университет

Актуальность темы исследования обусловлена радикальными изменениями системы высшего образования, произошедшими, в силу экономического кризиса, систематического кризиса российского общества, усугубляющийся переходом к новому типу социальной формации (общество знаний), а так же большого числа динамичных социальных трансформаций.

Проблему, представленную в докладе, можно обозначить следующим образом: с одной стороны существует динамично меняющееся, сверхмобильное современное общество, а с другой — университет, со своей давней и богатой историей, тяготеющий к традиционным ценностям, поэтому, зачастую склоняющийся не к новым, а скорее к архаичным формам воспроизводства и передачи знаний.

Как известно, российская система образования переживает жесточайший кризис, что отмечается в работах отечественных ученых (Бодрова Е.В., Ерёмин В.В; Садовничий В.А., Степанов В.И. и ряд других). Признаки неблагополучия в системе образования сегодня очевидны каждому непредубежденному исследователю и не удивительно, что тема кризисов в этой приоритетной сфере общественной жизни стала предметом многочисленных публикаций. Концептуальный анализ проблемы пока остается на периферии внимания ученых. Как правило, отмечается падение престижа образования, недостаточное его финансирование, нехватка соответствующих кадров [1]. В России кризис образования был воспринят на уровне национальной безопасности, так как состояние образования неизбежно отражается на состоянии всего общества, обуславливает экономическую, политическую, технологическую безопасность [2]. Кризис выражается, в том числе в непонимании конечной цели, к которой должен прийти институт образования в результате преобразований. Один из ориентиров для реформации может служить концепция университета третьего поколения, известная как «Университет 3.0», предложенная голландским профессором Йоханом Виссема. Для этой концепции характерны следующие характеристики.

1) Для университетов третьего поколения складывается принципиально новый вид предпринимательской деятельности — извлечение выгоды и прибыли из собственных разработок, ноу-хау, выдвижение их на рынок.

2) Университет 3.0 занимается в значительной мере фундаментальными, междисциплинарными исследованиями, что формирует основу любого прогресса, в том числе в области не только науки, но и экономики в целом.

2) Университет 3.0 — это сетевой университет, он проводит коллаборации с компаниями, частными инвесторами, которые впоследствии выводят разработки и результаты исследований на рынок.

3) Университеты третьего поколения менее подвержены государственному регулированию, более независимы, что отсылает нас к организационным принципам классического средневекового университета.

4) Университеты 3.0 ведут деятельность на интернациональном высококонкурентном рынке. Они активно соперничают как за лучших преподавателей и студентов, так и за научно-исследовательские контракты с компаниями и инвесторами.

Отечественный университет сейчас находится на перепутье между модернизмом (коммерциализация высшего образования, попытка перехода к модели Университета 3.0, сетевое и электронное обучение) и архаизмом, традицией (университет как храм науки, классический университет, наследия советского прошлого). Казалось бы, что мы хотим отказаться от старой, советской системы, внедрить западные образовательные модели, которые отвечали бы всем требованиям и запросам современного общества, духу времени. Но возникает проблема: как заставить работать концепцию Университета 3.0 в российских условиях, если сам принцип, структура, подходы совершенно разные?

История показывает, что любая система, вырванная из социокультурного контекста, не сможет оказаться эффективной в чуждых ей условиях. Из этого следует, что для того чтобы российский университет процветал, требуется адаптация концепции Университета 3.0, учитывая условия российской специфики. И если эта адаптация окажется возможной, если удастся совместить эту концепцию с российской спецификой, то это может способствовать в продвижении положения российских университетов в международных рейтингах, а также дать сильный рывок для развития отечественного университета.

1. Образование, которое мы можем потерять / сб. под общ. ред. ректора МГУ академика В. А. Садовниченко. М.: МГУ; Институт компьютерных исследований, 2002. 288 с.

2. Ерёмин В. В., Борщёва Н. Л. Особенности процесса коммерциализации высшего образования в России // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2005. Вып. 5 (49). С. 92–95.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент В. В. Петров

Влияние современного студенчества на формирование образовательного запроса

В. М. Филатова

Новосибирский государственный университет

В современном обществе университет представляет собой особый тип высшего учебного заведения, имеющий набор определенных функций, важнейшими из которых являются не только производство фундаментального знания и трансферт технологий, но и вклад в культурное наследие и формирование интеллектуального потенциала общества. В начале XIX в. важнейший прорыв в области университетского образования был сделан Вильгельмом фон Гумбольдтом, который разработал проект объединения Берлинского университета с Королевской академией, в результате чего появилась качественно новая академическая среда, где обучение было теснейшим образом связано с исследованиями. Такая модель оказала огромное влияние на функционирование университетов в XIX и XX в., сформировав принципы свободы преподавания и свободы учения. Заложенные Гумбольдтом академические свободы дали импульс к формированию многочисленных студенческих движений, которые боролись не только за идеалистические стремления к справедливости в существующих социальных условиях, но и за улучшение положения студента в университете в целом.

Сегодня образовательный запрос формируется тремя акторами образовательного процесса: государством, обществом, студенчеством. В условиях формирования общества знаний студенческое сообщество ожидается стремиться принимать большее участие в управлении университетом. Так, во Франции и в Германии в конце 1960-х годов после студенческих революций и других волнений, возникших в результате того, что студенчество было обеспокоено «закрытостью» высшей школы от актуальных проблем современности и нарастанием дисгармонии между системой образования и обществом, многие европейские университеты диверсифицировали систему высшего образования и учредили «трехстороннюю систему управления», при которой ученые советы состояли на треть из профессоров, на треть из представителей администрации и на треть из студентов.

Если студенческие недовольства и протесты конца 1960-х годов были следствием множества факторов, важнейшими из которых являлись, в первую очередь, неудовлетворение социальной политикой, а также напряженной обстановкой на международной арене, то на сегодняшний день одной из основных проблем современного студенчества может стать глобальная монетизация знаний.

Современный студент, который поступил в высшее учебное заведение и при этом ежегодно платит за свое обучение, неизбежно захочет знать, как он в последующем он сможет и сможет ли вообще продать себя на рынке труда по максимальной цене.

Таким образом, очевидно, что сложившаяся в современной академической среде ситуация следует по пути установления «студентоцентричной» модели функционирования университета. Как известно, доминирование культуры рыночных отношений в области высшего образования, при которых университет выступает в качестве продавца, а абитуриент в качестве покупателя, привело к превращению образования в услугу. При этом основным лейтмотивом современного университета зачастую становятся уже не столько фундаментальные исследования и трансферт технологий, а необходимость «работы на заказ» в рамках выполнения «образовательных услуг» для студенчества.

К устоявшимся проблемам (недовольство социальной политикой, условиями функционирования университета и т. д.), порождающим студенческие протесты и волнения, добавляется еще один фактор, который может стать доминирующим. Современный студент, вкладывающий деньги в свое образование на протяжении 4–6 лет, ожидаемо предъявляет большие требования к университету. Поэтому при коммерциализации образования требуются не только платежеспособные потребители данных услуг, но и, в первую очередь, вовлеченность университета в бизнес-сообщество.

Ситуация, при которой надежда студента на получение высокооплачиваемой работы сразу после окончания университета не оправдывается, может спровоцировать очередную волну студенческих недовольств, а университет в таких условиях, ориентируясь на требования студенчества, рискует утратить ядро университетского образования и превратиться только лишь в институт подготовки кадров. Таким образом, при развитии демократической системы управления в университете требуется определить предельно допустимые границы влияния студенческого сообщества на развитие университета, при которых, с одной стороны, не будет радикальных форм проявления недовольства в виде студенческих волнений, а с другой стороны университет сохранит основные организационные принципы своего развития, направленные в первую очередь не на подготовку узкоспециализированных выпускников для общества потребления, а на формирование гражданина.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент В. В. Петров

Философия свободного и открытого программного обеспечения

С. Д. Цыплаков

Новосибирский государственный педагогический университет

Многим пользователям и разработчикам не нравятся ограничения, наложенные на программное обеспечение (ПО). Один из таких людей — Ричард Мэттью Столлман, который сформулировал философию свободного ПО, а так же в октябре 1985 года основал фонд свободного программного обеспечения, в чьи задачи входит поддержка движения свободного программного обеспечения. В своей статье «Что такое свободное программное обеспечение?» (The Free Software Definition) Столлман дал определение свободного программного обеспечения. По его мнению, программное обеспечение является свободным, если у пользователя четыре свободы: свобода выполнять программу в любых целях, свобода изучать работу программы и модифицировать программу (этот пункт подразумевает доступ к исходному коду), свобода передавать копии, свобода передавать копии своих измененных версий другим. Это определение отражает «либеральную» концепцию свободы программного обеспечения как свободы от ограничений (т. е. социальной свободы — *liberty*).

Данное определение, а также его юридическое воплощение в лицензии GNU General Public License легло в основу философии (т. е. идейных оснований) свободного программного обеспечения.

Но данное определение не является универсальным. В 1997 г. были опубликованы критерии свободного ПО, которые определяют приемлемость лицензии программы для операционной системы Debian. Данные критерии используются для оценки всех компонентов ПО, включая мультимедийную составляющую, в отличие от GNU FDL (дополнение к GNU GPL).

В 1998 г. одни из теоретиков GNU Эрик Реймонд и Брюс Перенс вводят термин *open source* (программное обеспечение с открытыми исходными кодами). По мнению авторов, термин «свободное ПО» (*free software*) смущает многих коммерческих предпринимателей из-за своей неоднозначности в английском языке. Термин *free* означает также «бесплатность», но «свободное программное обеспечение» не обязательно является бесплатным. Поэтому Реймонд и Перенс предложили использовать термин «открытое ПО». В отличие от *free software* открытое ПО нацелено на доступность исходного кода для разработки, модификации и поддержки ПО. Ричард Столлман раскритиковал движение «открытого ПО» в статье «Почему “открытый исходный текст” не передает понятия “свободная программа”». По мнению Столлмана, открытый исходный код программы не даёт пользователю свободы в ис-

пользовании программы. Позволим себе с ним не согласиться. В основе «открытого ПО» также лежит концепция свободы, но не просто «свободы от» (*liberty*). Это также концепция свободы программного обеспечения, но «свободы для чего-то» (*freedom*). То есть данная свобода предполагает приложение усилий, в том числе творческих, для ее реализации. Для того чтобы воспользоваться этой свободой, предоставленной *open software*, необходимо самостоятельно разобраться в программном коде, а, возможно и улучшить или креативно модифицировать его.

Несмотря на указанные различия в понимании «свободы» программного обеспечения, в целом это движение достигло больших успехов в IT-области. Программы с открытым кодом, свободное ПО и другие подобные продукты занимают существенную и неотъемлемую часть программного обеспечения современных компьютерных систем. Можно без преувеличения сказать, что благодаря философии свободного программного обеспечения и философии открытого программного обеспечения, мы можем использовать компьютер таким образом, каким мы используем его сейчас. Необходимо заметить, что существует множество ответвлений в «философиях» свободного и открытого ПО, многие из которых нашли своё отражение многочисленных свободных и открытых лицензиях.

Научный руководитель — доц. В. Н. Акулинин

Искусственный интеллект как феномен современной культуры

А. М. Шахбазян

Новосибирский государственный аграрный университет

Статья посвящена изучению проблемы искусственного интеллекта, исследованию стадии его развития на сегодняшний день, а также перспектив на будущее.

С развитием науки человек всё чаще стал задумываться о создании машины, способной выполнять не только физическую, но и умственную работу. Такие машины были созданы еще в 20 веке. Но стремление познать мироздание повлекло за собой и попытки создания искусственного интеллекта, который сможет ответить на все вопросы человечества.

Главные вопросы, которые постоянно задаются учеными, занимающимися проблемой искусственного интеллекта (далее ИИ), неизменны: возможен ли искусственный интеллект? Можно ли научить машину думать? Но мы считаем важно ответить на вопрос: как создание ИИ влияет на современное мышление человека?

Целью нашей работы является комплексное исследование искусственного интеллекта как феномена современной культуры.

Мы выдвигаем следующую гипотезу: искусственный интеллект реален в создании, и создателем его будет человек. Все открытия совершались человеком при огромных трудозатратах, а также накоплении знаний. Искусственный интеллект, возможно, также не является исключением. Создано довольно много автоматизированных систем, имитирующих искусственный интеллект, но создать его еще не удалось. Это лишь означает то, что база знаний человека далека от совершенства, но учитывая темп прогресса и сопоставив факты, рассмотренные далее, можно предположить, что в скором времени произойдет очередной научно-технический прорыв.

Что сейчас принято называть искусственным интеллектом на Западе? Искусственный интеллект можно определить как область компьютерной науки, занимающейся автоматизацией разумного поведения [1]. Предложенное определение наиболее точно соответствует содержанию статьи, поскольку ИИ будет рассматриваться как часть компьютерной науки, опирающейся на ее прикладные и теоретические принципы. Примеры, которые принято определять как феномен искусственного интеллекта: виртуальный личный помощник; автомобили с автопилотом; умный дом; предложение товаров в интернете; система отбора клиентов в банковской сфере (нейронные сети) — всего лишь программы, прописанные алгоритмы, при помощи которых выполняются функции, указанные человеком.

Одним из важных шагов стала разработка теории квантового компьютера, а впоследствии ученые создали первый квантовый компьютер. Несколько месяцев назад опубликована информация о том, что группа ученых из США и России создала и успешно испытала квантовый компьютер на базе 51 кубита, что позволяет превзойти все ранее существующие технологии в мире по расчетным мощностям. Рассмотрев подробнее преимущества, можно сказать, что, задавая вопрос квантовому компьютеру, ответ появляется мгновенно без прописанных алгоритмов, а значит, ключ к искусственному интеллекту лежит через освоение квантового компьютера.

Результаты нашего исследования показали, что на данный момент не создан стабильный квантовый компьютер, так как существуют определенные проблемы с его использованием, а следовательно, и не создан реальный искусственный интеллект, полностью имитирующий мозг человека и умеющий решать любые поставленные задачи. Но ИИ уже вошел в нашу жизнь бесповоротно. Как известно, «все начинается с идеи», поэтому создание этой единой системы информации, материи и энергии — дело времени, а вот влияние этого предстоящего события уже является феноменом современной культуры. Именно поэтому данная тема является особо актуальной и будет рассматриваться еще не одним деятелем науки и культуры. А мы же надеемся, что создание искусственного интеллекта не поставит человечество в тупик, а поможет решать проблемы и поспособствует мировому прогрессу.

1. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. 4-е изд.: Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2003. 864 с.

Научный руководитель — д-р психол. наук, проф. Н. А. Корниенко

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 167

Проблема соотношения обыденного и научного познания

А. Е. Вечканов

Новосибирский государственный аграрный университет

Актуальность обусловлена потребностью систематизировать уже имеющиеся подходы в современной науке и методы изучения обыденного и научного познания.

Цель исследования: рассмотреть понятия научного и обыденного познания, их концепции и свойства, определить главные проблемы философии по отношению к этим составляющим.

Предмет исследования. Изучение проблемы соотношения научного и обыденного познания.

Объектом исследования выступают научное и обыденное познание и их взаимосвязь.

Задачи исследования:

- 1) дать определение понятий научного и обыденного познания, наука, новое научное знание, научная новизна;
- 2) определить главные проблемы философии по отношению к этим составляющим.

Гипотеза: мы предполагаем, что для строения научного знания традиционным способом проводятся работы в следующей последовательности.

1. Установка эмпирических фактов.
2. Первичное эмпирическое обобщение полученных фактов.
3. Выявления фактов, которые не вошли в число большинства и отклонились от правила полученного после обобщения.
4. Изобретение некоей теоретической гипотезы, учитывающей все факты.
5. Логический вывод из полученной гипотезы.

Начнём с определений. *Научное познание* — это вид и уровень познания, направленный на производство истинных знаний о действительности, открытие объективных законов на основе обобщения реальных фактов. Оно становится над обыденным познанием, то есть стихийным познанием [1].

Обыденное познание — это познание, реализуемое в повседневной жизни. Оно схоже с научным познанием тем, что необходимо опираться на жизненный опыт, приобретенный ранее; при взаимодействии с новым — на определенные гипотезы, не всегда осознанно формулируемые; данные гипотезы прослеживаются практикой, при неположительном результате, меняются и используются в роли действий [2].

Проблема соотношения научного и обыденного познания, относится к числу философских. Безусловно, эти два вида познания в значительной мере отличаются друг от друга, однако специальных исследований по сравнению информационных тезаурусов не известно [3].

Например, убеждения — это один из важнейших элементов как в научном, так и в обыденном познании, однако значение у них совершенно разные. С одной стороны, убеждения для научного познания — это процесс выработки некоторого феномена сознания, то для обыденного это выражение результата какого-либо процесса, представляющего уже сложившейся и основанный на опыте элемент сознания.

Наше исследование подтвердило выдвинутую нами гипотезу и позволяет сделать следующие выводы [4].

1. Наука направлена на максимальное воплощение в практике и предлагает рассматривать её как руководство к действию. Главный смысл научной работы можно представить такой формулой: «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы практически действовать не только в настоящем, но и в будущем».

2. Как мы и предположили, научное познание начинается со сбора определённого количества фактов, после чего систематизируется и тщательно перебирается на эмпирическом уровне, а уже после этого происходит выдвижение гипотезы и её дальнейшее развитие на теоретическом уровне. С греческого гипотеза переводится как предположение.

1. *Глухарёв Н. Д.* Новый словарь иностранных слов / Н. Ж. Глухарёв М.: Изд-во АКВ, 2009. 563 с.

2. *Гусев С. С., Пукшанский Б. Я.* Обыденное мировоззрение: Структура и способы организации. СПб.: Наука, 1994. 86 с.

3. *Лебедев С. А.* Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Акад. проект, 2004. 320 с.

4. *Чернетских Т. И.* Лексико-семантическая группа «жилище» как презентант фрагмента региональной картины мира (на материале Словаря 62 русских говоров Алтая) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000. 18 с.

Научный руководитель — д-р психол. наук, проф. Н. А. Корниенко

Этические проблемы технологий редактирования генома человека

А. С. Журавлева

Новосибирский государственный университет

В настоящее время технологии редактирования генома стремительно развиваются, и все более вероятным представляется введение их в клиническую практику в обозримом будущем. Однако столь взрывное развитие проходит на фоне нерешенных обществом морально-этических вопросов, касающихся этих процедур, а также неподготовленности законодательной базы к их осуществлению.

В связи с этим целями исследования явились выявление этически сложных аспектов технологий редактирования генома человека (ТРГ), а также выдвижение возможных решений соответствующих им проблем. Этические проблемы ТРГ мы разделили на три группы.

Предшествующие процедуре редактирования. Необходимы нормы законной силы, защищающие пациента и врача-генетика. Допустимо редактирование лишь для лечения болезни, но не для эстетического улучшения организма. Необходим запрет на коммерциализацию этой области технологий, так как однозначно обеспечить безопасность производимых компаниями продуктов не представляется возможным. Для успеха внедрения ТРГ необходимы стандартизованная процедура проверки редакций на безопасность, составление базы данных для ТРГ, подготовка компетентных врачей, просвещение населения. Закономерным представляется составление ГОСТа процедуры редактирования для минимизации злоупотреблений. Доступ к технологии должны иметь все слои населения, а значит, технологию необходимо при поддержке государства ввести в бесплатную медицину. Требуются общественные дискуссии для выработки консенсуса о допустимости технологии.

Сопряженные риски. Обеспечение безопасности процедуры и контроля за ней: ТРГ должны использоваться лишь в имеющих специальную лицензию медицинских учреждениях; подвергшиеся процедуре эмбрионы должны проходить скрининг на возможные нецелевые мутации; все изменения должны быть внесены в историю болезни; пациенты должны выразить информированное согласие и быть тщательно ознакомлены с возможными рисками.

Последствия процедуры. Пациентов следует информировать о результатах применения технологии. В нормативных документах, защищающих врача, должна быть предусмотрена возможность возникновения непредсказуемых последствий, не связанных с халатностью.

Вывод: минимизировать этические следствия ТРГ можно благодаря сотрудничеству с пациентом и тщательной нормативной регламентации.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Т. А. Сидорова

Категория небытия в эволюционной концепции Г. Спенсера

Е. И. Иванова

Новосибирский государственный университет

Эволюционная теория — это видовое происхождение с помощью естественного отбора. Ее основоположником был Чарлз Дарвин. В последующем теория была принята и развернута Спенсером на все сферы человеческой жизни и получила название социальный дарвинизм. Заключается она в том, что при невмешательстве в законы выживания уцелют только лучшие индивиды, то есть человеческое совершенствование будет неизбежно.

Все эволюционные принципы в применении ко всем областям человеческого знания и опыта Спенсер объединил в синтетической философии. В своей синтетической философии он пытается охватить все научное знание. В данной работе будет рассмотрен раздел биологии через общие фундаментальные положения философии Спенсера. Исследование применимости философских идей Спенсера в науке, то есть проверка, насколько его взгляды оказались применимы для биологии.

Конкретно в аспекте философских концепций таких эволюционистов как Спенсер, Дарвин будет сделан акцент на рассмотрении понятия распада структуры.

Тема работы предопределена актуальностью на сегодняшний день и неотделимостью от человеческого существования вопроса конечности бытия. Это один из самых древних из философских вопросов о цикле человеческого существования, его смертности интересует не только философов, но и научный слой общества, который в свою очередь усматривает в этом практическую выгоду при решении данной проблемы.

Исходя из того, что основоположником эволюционной теории был Дарвин, следует рассмотреть иерархию научных и философских представлений о смертности в его теории. Дарвин не был философом, и в его теории естественного отбора основная мысль — о том, что выживают лишь те, кто умеет приспособливаться. Можно увидеть здесь чисто рациональные выводы, основанные на фактах, а также предположить, с другой стороны, что этот закон не имеет никакой философской стороны, кроме той, что предполагает, что смерть случайна и неслучайна одновременно. Если смотреть на процесс эволюции с определенной конкретикой, то приходит вывод о том, что отсутствие смерти, то есть жизнь необходимо заслужить наивысшей степенью приспособленности. Но с другой стороны во вселенских масштабах смерть неизбежна, так как она есть неотъемлемая часть живых существ.

На основе этих идей и разворачивает свои философские воззрения Герберт Спенсер, являясь последователем дарвинизма, он не просто углубляется в эволюционную концепцию, он ее модифицирует, буквально распространяя на все сферы социума, начиная от биологии и заканчивая основаниями науки о нравственности, то есть охватывая все. Материя из состояния «бессвязной однородности» переходит в «связную разнородность».

Для Спенсера эволюционный закон является универсальным для всего. Что касается понятия распада структуры, то это состояние, при котором развитие невозможно, неизбежно. Проще говоря, «состояние покоя для неорганических тел и смерть в органическом мире есть необходимый предел всех перемен, составляющих эволюцию». Она также обусловлена сущностью материи и цикличностью развития как один из этапов эволюции, чтобы эволюция имела место быть, должна быть и смерть. Как одна из обязательных составляющих развития смерть предшествует ему.

Также если посмотреть на то, где в большей степени усматривал свои синтезированные законы эволюции Спенсер, то можно проследить особый акцент на человеческом обществе и то, как каждый индивид может диктовать развитие общества. Можно назвать это своего рода руководством к действию, также он знаменит своей метафорой анатомии общества в прямом смысле, из чего можно предположить, что каждое общество также неизбежно ждет смерть. О роли конечности всего можно говорить и с философской и с научной точки зрения.

Смысл данной работы заключается в современной интерпретации философских и научных взглядов Спенсера, их соотношение с современной научной вселенной и проверка насколько его представления оказались актуальны в действительности.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент А. Ю. Сторожук

Понятие и место конструктивизма в современной методологии науки

В. В. Калинина

Томский государственный университет

Конструктивизм представляет собой такой вид научного мировоззрения, который значительно отличается от классических представлений научного реализма.

С другой стороны, конструктивизм отстаивает позицию, что наука стремится к истинному знанию о наблюдаемых объектах окружающего мира, но одновременно с этим не ставит своей целью поиск истины о неочевидных объектах.

Таким образом, принятие теории с позиции конструктивизма отличается от принятия теории с позиции научного реализма: конструктивист считает, что принятие или непринятие научной теории зависит от убеждения в том, насколько она эмпирически адекватна.

Одна из особенностей конструктивизма заключается в том, что он несет в себе некоторые общие метанаучные основания, схожие с основаниями логического позитивизма:

- отвергает метафизические искания в науке;
- одобряет критерий верификации полученных знаний;
- предполагает, что теоретически нагруженный научный дискурс может и должен быть удален из науки.

Конструктивизм отстаивает позицию, что ученый должен быть агностиком по отношению к ненаблюдаемым объектам в принятых нами научных теориях.

Конструктивистская эпистемологическая позиция в науке будет такова, что целью науки не должно быть учение о том, во что ученый должен или не должен верить.

Для разъяснения вышесказанного можно провести следующее терминологическое различие, которое приводит Б. Ван Фраассен:

- научные реалисты считают, что научный гностицизм может понять объекты окружающего мира, в то время как научный агностицизм — нет;
- конструктивисты считают, что научный гностицизм может понимать, а может и не понимать описываемые объекты, но он (гностицизм) в определенный момент принимает некоторое убеждение в этом, которое в свою очередь уже выходит за рамки дозволенного наукой.

Классическая характеристика эмпирической адекватности научной теории выглядит так.

Теория эмпирически адекватна в том случае, если то, что она говорит о наблюдаемых объектах и явлениях, истинно, т. е. соответствует этим явлениям или объектам.

С позиции научного конструктивизма стоит сначала рассмотреть разницу между синтаксической точкой зрения в научной теории и предпочтительной семантической точкой зрения.

Подразумевается, что:

– на синтаксическом уровне наука занимается перечислением теорий, выраженных в конкретном научном языке;

– на семантическом уровне возникает спецификация структур, которые являются моделями научной теории (могут быть описаны разными языками).

Представить научную теорию значит:

А. указать некоторое количество эмпирических оснований;

В. обозначить определенные части этих оснований в качестве кандидатов для прямого представления наблюдаемых явлений или объектов.

Подобная схема указывает на то, что явлениями, имеющими отношение к эмпирической адекватности теории, могут быть любые фактически наблюдаемые явления.

Таким образом, теория, которая претендует на эмпирическую адекватность, должна быть в состоянии объяснить больше, чем просто явления, которые наблюдаются или когда-то будут наблюдаться.

Если эмпирическая адекватность теории сводится к соотношению наблюдаемых явлений с основаниями некоторой теоретической модели, то конструктивистский подход основан на различении того, что можно наблюдать, а что нельзя.

Одна из стандартных характеристик наблюдаемости выглядит так: объект наблюдается, если существуют обстоятельства, при которых объект находится в условиях, в которых его можно наблюдать.

Для конструктивизма такая характеристика еще не является определяющей. Но может выступать как приблизительный ориентир, принятый во избежание заблуждений.

Важно уточнить, что в рамках конструктивизма используется та терминология, которая строится на наблюдении объектов и явлений без посторонней помощи.

Конструктивизм представляет наблюдателя (членов научного сообщества) в качестве части (предмета) научной теории.

Следовательно, объект или явление не могут быть даны нам в априорном состоянии, а только в качестве эмпирической конструкции.

В случае с конструктивизмом картина может выглядеть так: принятие явлений может основываться на допущении прагматических оснований. Но это будет играть очень важную (если не ключевую) роль при становлении научной теории.

Б. Ван Фраассен приходит к вполне резонному выводу: принятие теории способствует производству научного контекста, в котором использование языка зависит от принятой теории.

Таким образом, конструктивизм не признает убежденности в той или иной теории, описывая поведение ученых лишь как своеобразный прием, призванный развивать выбранную ими теорию.

Rosen G. What is Constructive Empiricism? // *Philosophical Studies*. 1994. № 74(2). P. 143–178.

Van Fraassen B. *The Scientific Image*. Oxford: Oxford University Press, 1980.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Д. И. Спичева

Влияние психологических идей на формирование понятия теоретической нагруженности

К. В. Калюжный

Новосибирский государственный университет

Традиционно эксперимент воспринимается через призму натурализма, как некое «чистое созерцание» факта в природе. Однако даже обыденные измерения (длины, веса, скорости, пройденного расстояния и т. д.) предполагают как минимум признание единиц и способа измерения, равно как и теоретических оснований, позволяющих проводить это измерение так, а не иначе, т. е. обладают теоретической нагруженностью.

Одним из аспектов теоретической нагруженности — психологические идеи, социальные установки, парадигмы (по Куну), которыми руководствуется исследователь при работе. Дети или дикари, увидев мотоцикл, смогут его воспринять как *нечто, обладающее определенными реальными или вообразаемыми свойствами*, но воспринять мотоцикл как *то, что является мотоциклом*, для них будет невозможно при отсутствии необходимого субъективного опыта восприятия. Также эти установки формируют восприятие фона (того, что будет отброшено как погрешности оборудования или как малозначимые факты), определяют понятийный аппарат, указывают на рекомендуемые методы достижения цели и т. д.

Психологическая проблематика также частично пересекается с проблематикой эпистемологии. Согласимся с Фейерабендом в том, что одни и те же термины в рамках более ранних или поздних теорий несут различную смысловую нагрузку. Конечно, нельзя утверждать о том, что ранние теории из поздних дедуцировать невозможно, как утверждалось Фейерабендом, однако при таком дедуцировании следует быть достаточно осторожным в переводе и соотнесении понятийного аппарата.

Принятие теоретической нагруженности эксперимента и его зависимости от психологических предпосылок позволяет объяснить сложности с воспроизведением ранее проведенных экспериментов и позволяет корректировать данные, ранее воспринимавшиеся как «фон», что затруднительно с позиций натурализма. Стоит заметить, что при этом также возникают эпистемические проблемы различной степени сложности.

Научный руководитель — доцент А. Ю. Сторожук

**Сознание человека и «животных»
в свете философских теорий и нейрофизиологии**

К. А. Кондратьев

Новосибирский государственный аграрный университет

Цель исследования: дать научную, объективную картину сознания животных и его отличия от человека.

Объект исследования: сознание животных.

Предмет исследования: подобные аффективные состояния в гомологических областях мозга животных и человека.

Задачи: рассмотреть основные философские трактовки сознания и формирование сознания животных с точки зрения нейрофизиологии.

Сводка из «Кембриджской декларации о сознании». Исследования животных показали, что гомологические контуры мозга у них коррелируют с сознательным опытом и восприятием, что позволяет выборочно оценить, являются ли они на самом деле необходимыми для этих переживаний. Кроме того, стали доступными новые неинвазивные методы для обследования коррелятов сознания. Нервные субстраты эмоций, кажется, не ограничиваются корковыми структурами мозга. На самом деле подкорковые нейронные сети, образованные во время аффективных состояний в организме человека, также являются критически важными для формирования эмоционального поведения у животных. Искусственное возбуждение одних и тех же областей головного мозга формирует соответствующее поведение и состояние как у человека, так и у животных.

Каждый раз, когда мозг животного вызывает инстинктивное эмоциональное поведение, оно согласуется с состояниями и ощущениями, которые определяются опытом, в том числе и те внутренние состояния, которые являются полезными. Глубокая стимуляция мозгом этих систем в организме человека также может генерировать подобные аффективные состояния. Системы, связанные с аффектом, сосредоточены в подкорковых областях, где в большом количестве имеются нейронные гомологии. Молодые люди и животные сохраняют эти функции мозга. Кроме того, нейронные цепи, поддерживающие поведенческое и электрофизиологическое состояние сна, отвечающие за внимательность и принятие решений, по всей видимости, возникли в процессе эволюции у беспозвоночных, что можно увидеть у насекомых и головоногих моллюсков (например, осьминогов) [1].

Философские трактовки понятия «сознание». Дуализм: с точки зрения дуалистов сознание — это одна из субстанций, другая из которых — физический мир. Рене Декарт утверждал, что человек является мыслящей

субстанцией, способной усомниться в существовании чего-либо, кроме своего собственного сознания, а также что сознание несводимо к физическому миру.

Идеализм — это теория, согласно которой сознание первично и наличие сознания во вселенной делает её реальной вселенной.

Материализм — утверждает что, первична материальная субстанция и из неё строится обособленная высокоорганизованная материя, которая наделена сознанием (восприятием этой первичной реальности).

Функционализм — это теория, согласно которой находиться в психическом состоянии значит находиться в функциональном состоянии, то есть выполнять некоторую определённую функцию. С точки зрения функционалистов сознание относится к мозгу так же, как, например, функция показывать время соотносится с конкретным физическим устройством часов [2].

Мы обнаружили, что структуры, которые отличают нас от других животных, такие как кора головного мозга, не отвечают за проявления сознания. За это отвечают другие области, и они схожи у людей и животных. Мы заключаем, что эти животные также обладают сознанием (Филип Лоу) [3].

На основе нашего исследования мы пришли к следующим выводам. На данном уровне развития научно-технического прогресса и в частности физиологии, её методов исследования, мы не сможем сделать окончательного умозаключения об истинной природе сознания животных и людей. Но ряд экспериментов показывают, что у отдельных видов животных имеются аналогичные процессы формирования сознания в гомологичных участках головного мозга. Теперь у общества есть аргументы для дискуссии о происходящем, это даёт огромный толчок для исследований в данной области, чтобы понять сознание животных, а возможно и окончательно ответить на вопрос, что же такое сознание у людей и животных.

1. *Прист С.* Теории сознания / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. книги, 2013. 287 с.

2. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 177.

3. The Cambridge Declaration on Consciousness. 7 Июля 2012 г.

Научный руководитель — д-р психол. наук, проф. Н. А. Корниенко

Научное мышление как объект изучения Г. П. Щедровицкого

А. А. Куликова

Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул

Мышление — верх блаженства
и радость в жизни, доблестнейшее
занятие человека.

Аристотель

Сегодня мы наблюдаем серьёзные изменения в области культуры, вызванные стремительным прогрессом в науке. Развитие науки неотделимо от развития научного мышления, составляя форму и содержание, они дополняют друг друга. Цель работы состоит в том, чтобы обнаружить новые подходы и методы мышления в творчестве Г. П. Щедровицкого, где аспектом выступает мышление как один из ведущих факторов науки.

Обращаясь к наследию идейного лидера Московского методологического кружка (ММК) Г. П. Щедровицкого, можно говорить о том, что для него мышление было как объектом изучения, так и основной формой его жизни и творчества. В своих работах члены кружка не просто исследовали объект, а разрешали сложные методологические проблемы и задачи. Область работы с самого начала имела методологический характер, была направлена на создание новых форм жизнедеятельности и объекта мышления. Данная работа очень быстро приобрела программное содержание, была тесно связана с разработкой и реализацией программ формирования «методологических» приемов и способов мышления. Последней и наиболее объемной программой, предложенной Г. П. Щедровицким, стала системно-мыследеятельностная методология (СМД-методология). Сформировавшаяся программа, с одной стороны, выступала как определенный опыт рефлексивной деятельности ММК, а с другой являлась средством самоорганизации этой деятельности.

В своих работах Георгий Петрович показывает, что методологическое мышление подразумевает под собой наличие ряда факторов: рефлексия, исключительность методолога, коллективная методологическая работа и коммуникация, деятельность конструктивного типа (схемы, проекты), а также вызовов проблем времени, решение которых методология пытается отыскать [2]. В данной системе факторы можно считать своеобразной концептуализацией мышления. В неё входит и особый принцип, позволяющий считать конституирование методологического мышления ведущим способом мышления вообще [4].

В сборнике «Педагогика и логика. Система педагогических исследований (Методологический анализ)» последовательно проводится мысль о возможности необходимого перехода педагогических исследований к качественно новому, методологически осмысленному состоянию. Г. П. Щедровицкий называет это состояние — «научной педагогикой»: «...В современной педагогике довольно много методических (инженерных) разработок, но почти нет научных знаний в точном смысле этого слова. Выясняется, что до самого последнего времени педагогика не развивалась и не строилась как наука, что эта работа в ней только начинается» [1].

В методологической деятельности Г. П. Щедровицкого — мышление является неотъемлемой частью оргуправления. Оно нуждается в обеспечении знаниями, а именно программами и проектами. Что же дает право Щедровицкому ставить методологию выше науки и претендовать на родство с оргуправлением? В 1989 г., выступая с публичными лекциями в Киноцентре, Г. П. Щедровицкий в ответ на просьбу дать дефиницию методологии, ответил: «Методология есть такая форма организации мышления и деятельности, которая организует свое пространство за счет нескольких направляющих досок. На одной доске рисуется схема объекта, на другой — схемы мышления и деятельности, которые должны быть осуществлены. И в этом отличие методологии от науки (в первую очередь), ибо наука таких двух досок не имеет, ими не пользуется» [3].

1. *Мкртчян Г. А.* Психологическая экспертиза в инновационном образовании. Теория и практика. М., 2002. С. 103.

2. *Розин В. М.* Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. М.: Институт развития имени Г., 2011. С. 175–266.

3. *Щедровицкий Г. П.* Лекции «На досках» 1989г., Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М.: Школа культурной политики, 2004. С. 203.

4. *Щедровицкий Г. П.* Методологический смысл оппозиции натуралистического и системно-деятельностного подходов. Избранные труды. М., 1995. С. 151.

5. *Щедровицкий Г. П.* Процессы и структуры в мышлении. М.: Путь, 2003. С. 114.

6. *Щедровицкий Г. П., Розин В. М., Алексеев Н. Г., Непомнящая Н. И.* Педагогика и логика. М.: КАСТАЛЬ, 1993. С. 416.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент С. А. Бабаскин

К оценке экстенционально-редукционистской стратегии в исследовании ментального

Д. А. Лада

Новосибирский государственный университет

В середине XX века в научных исследованиях резко возрастает интерес к познавательным способностям человека. Актуализация исследований ментального была продиктована проблемами, возникшими в процессе построения искусственного интеллекта. За прошедшие более чем полвека некоторые вопросы когнитивистики удалось прояснить. Однако ряд фундаментальных и основополагающих проблем все еще ждет своего разрешения. Одной из таких проблем, а именно проблеме свободы воли, и посвящена настоящая работа.

Каждый год нейробиологи открывают грани нашей ментальной жизни, расшифровывая сложные коды работы мозга. Полученные эмпирические данные нуждаются в теоретических обобщениях. Такого рода обобщения могут осуществляться различными путями, и выбор их формирует широкое поле для дискуссий. Философы же занимаются поиском метафизических оснований анализа данного проблемного поля, для чего используются различные методологические принципы. В этом отношении одним из наиболее перспективных является редукционистский подход, работе дана оценка редукционистской стратегии решения проблемы существования свободной воли в условиях детерминистического превосходства над нами природно обусловленных сил.

Можно констатировать, что в случае любого модуса ментального, в том числе относительно свободной воли, мы имеем дело с пресуппозицией о некоей ментальной сущности, в отношении которой применим эпистемологический принцип непогрешимости (каждый из нас непогрешим в отчетах о своей ментальной жизни). Поэтому задача экспликации соответствующего модуса обычно видится в том, чтобы прояснить природу соответствующей ему сущности. При этом окончательный результат прояснения, как правило, мыслится в рамках схемы «X есть Y», т. е. редукции X к Y. Таким образом, уже само понимание задачи и ее решения вынуждает использование редукционистской стратегии. Вместе с тем, какими бы тщательными и эмпирически обоснованными ни были различные варианты реализации редукционной схемы, в имеющейся литературе каждый из них оценивается как неокончательный, не вполне заверченный.

Полученные результаты позволяют утверждать, что причиной этой незавершенности является то, что при использовании редукционистской

стратегии (например, сведение ментальных феноменов к физиологическим и химическим процессам в мозге) обычно ограничиваются однозначным сопоставлением ментального и физического. В данном случае мы имеем дело с «экстенциональным редукционизмом», т. е. тем видом объяснения, который сводится исключительно к выстраиванию такого соответствия. Экстенционально-редукционистское объяснение ментального было бы завершенным, если после построения однозначного соответствия сущностей (соответствие первого порядка), это соответствие сохранялось бы на уровне изменений характеристик сущностей (соответствие второго порядка). Другими словами, если бы изменения физических состояний мозга однозначно коррелировали бы с изменениями характеристик ментального.

Незавершенность экстенциональной редукции обусловлена тем, что необходимой предпосылкой окончательного объяснения, очевидно, является содержательная, или интенциональная редукция. Однако, на наш взгляд, ее достижение невозможно. Прежде всего, сама формула редукции «*X* есть *У*» предполагает возможность указания на объясняемое (ментального, в нашем случае) как на самостоятельную сущность, ведь оно указывается именем при подстановке на место переменной. Но в случае ментальных сущностей это общее ограничение на понимание редукции отягощено тем, что к содержанию модусов ментального неприменим принцип тождества, тогда как те сущности, к которым совершается редукция, этому принципу подчиняются. Поэтому у нас отсутствует критерий правильности содержательной экспликации, что всякий раз порождает ощущение незавершенности редукционного объяснения.

В противоположность приведенным негативным оценкам мы считаем, что экстенционально понимаемая редукция сама по себе вполне успешна, а представления о ее незавершенности — результат метафизически избыточного понимания редукции как «раскрытия природы одного через природу иного». Приведем аналогию. И. Ньютон заменил рассуждение о том, что такое сила и какова ее природа, правилами ее вычисления, иначе говоря, заменил вопрос о том, «какова природа этого», вопросом о том, «как это функционирует». Успешность данного им ответа ни у кого не вызывает сомнений. Аналогичное изменение в понимании философского объяснения предлагается и в случае оценки экстенционально-редукционистской стратегии в исследовании ментального.

Научный руководитель — канд. филос. наук А. В. Хлебалин

Фундаментальные проблемы эволюционной эпистемологии

С. Е. Овчинников

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

Традиционная эпистемология, так или иначе, предполагает априорность и автономность познания, т. е. его обусловленность некоторыми заранее заданными принципами, которые формулируются только средствами эпистемологии и не зависят ни от других наук, ни от индивидуальной психологии. Но, как показывает практика, собственных средств эпистемологии — по существу, лишь интроспекции — недостаточно. Вопросы о сущности, источниках и оправдании знания не имеют однозначных ответов. В результате в философии возникла тенденция отказываться от автономности познания для того, чтобы применить к эпистемологии результаты эмпирических наук и, в частности, идею биологической эволюции.

Эпистемология в перспективе эволюционной теории предполагает, что:

1) разум и его априорные формы исторически развиваются параллельно с биологической эволюцией, т. е. априорные формы даны *a priori* лишь для индивида, но *a posteriori* для вида в целом. Более того, так как все организмы являются родственными с точки зрения эволюции, изучая когнитивные механизмы животных, можно пролить свет и на человеческое познание, что демонстрирует Конрад Лоренц [1].

2) прогресс знания обеспечивается методом проб и ошибок, а достоверность — критикой. Схема роста представлена Карлом Поппером: $P1 \Rightarrow TT \Rightarrow EE \Rightarrow P2$, где $P1$ — изначальная проблемная ситуация, TT — пробная (временная) гипотеза, EE — устранение ошибок, $P2$ — новая проблемная ситуация [2]. Т.е. эволюция знания — это эволюция проблемных ситуаций.

Сама эволюционная эпистемология отлично демонстрирует последнее. Хотя многие вопросы традиционной эпистемологии кажутся разрешенными в свете эпистемологии эволюционной, проблемная ситуация скорее изменилась, нежели исчезла. Можно выделить три центральных проблемы, возникающих в результате принятия эволюционной специфики.

1. Проблема выдвижения правдоподобной гипотезы [3]. В рамках метода проб и ошибок Поппера подразумевается, что пробы случайны и не могут быть обусловлены некоторой «способностью к поиску истины», но если на каждый вопрос существует бесконечное множество ложных ответов и только один истинный, то вероятность «случайно найти» последний равна нулю.

2. Проблема объективности. Успешный результат эволюции — это приспособленность к среде. Кажется, что то же самое должно быть верно и для результата познания (например, для научной теории). Но это, очевидно, ре-

лятивный критерий, так как среда, по всей видимости, не может быть отождествлена с объективной реальностью.

3. Проблема прогресса. Если верно, что результат познания — это лишь приспособленность к определенной среде, то невозможно сформулировать критерий, по которому одна теория может быть лучше, чем другая.

Приведем некоторые соображения, скорее проясняющие формулировки проблем, нежели решающие их. В рамках первой проблемы можно проводить анализ развития априорных форм познания, так как предполагается, что представления о пространстве, времени и причинности являются частью той «способностью к поиску истины», которую отрицает Поппер. Вторая и третья должны решаться в совокупности, так как сформулировать критерий для оценки теории — значит решить проблему объективности и, наоборот, показать, что метод проб и ошибок приводит к объективному знанию позволяет автоматически получить критерий оценки. Хотя среда не может быть отождествлена с объективной реальностью, это не означает, что нельзя выстроить иерархию сред по степени приближенности к объективности, например, с помощью понятия инвариантности. Теории, приспособленные к соответствующим средам, будут дублировать иерархию сред, что позволит одновременно сформулировать критерий оценки теорий и решить проблему объективности.

1. *Лоренц К.* Кантовская концепция *a priori* в свете современной биологии URL: <http://pastebin.com/UHj7u1c8> (дата обращения 04.02.2018).

2. *Поннер К.* Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Отв. ред. В. Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

3. *Решер Н.* Пирс, Поппер и методологический поворот / Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. Сост. Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 210–221.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент А. Ю. Сторожук

Критика редукционизма в философии естественных наук

Е. И. Поротиков

Новосибирский государственный университет

Редукцию принято определять так отношение между двумя (или более) сущностями (объектами, теориями), при котором одна сущность полностью сводится к другой, не существует помимо нее или даже состоит из нее [3, 7, 10]. Редукционизм может быть как методологическим, так и онтологическим. В данной работе нас будет интересовать в первую очередь онтологический редукционизм, который подразумевает, что существует некий базовый уровень реальности, к которому сводятся все остальные уровни. Ниже мы постараемся показать, что редукционизм в подобной интерпретации не лишен противоречий и на данном этапе развития науки, скорее всего, должен быть отброшен.

Еще в середине XIX века физик Дж. К. Максвелл так сформулировал проблему редукции: «Возможно, что книга природы, как ее принято называть, тщательно структурирована. Если это так, то, несомненно, вводные части этой книги объяснят последующие, а методы, описанные в первых главах, будут использоваться и в остальных частях курса. Но если это вовсе не книга, а журнал, то нет ничего глупее, чем предполагать, что одна часть может пролить свет на последующие» [4, р. 12]). В середине XX века Р. Карнап выражал основную идею редукционизма следующим образом: «Наука едина, так что все эмпирические утверждения могут быть выражены на одном языке, все состояния дел имеют один вид и известны одним и тем же методом» [3, р. 32]. Хотя редукционизм традиционно ассоциируют с физикализмом и/или материализмом, сам по себе он онтологически нейтрален, то есть может сочетаться с любой онтологической позицией, будь то физикализм, идеализм или даже солипсизм. Для идеализма также характерно сведение всего многообразия мира к некоторой базовой реальности, только в случае идеализма эта базовая реальность имеет духовный характер.

В конце концов вопрос об онтологической редукции сводится к вопросу о единстве самой реальности: является ли она чем-то целостным или же представляет собой некий «слоеный пирог» из различных независимых уровней. Кроме того, мы можем задаться вопросом о том, что существует «на самом деле», какие типы вещей или объектов мы можем рассматривать как «по-настоящему» реальные [10]. С. Саркар выделил три ключевые особенности редукционизма: 1) объяснение феноменов полностью зависит от свойств более фундаментального уровня; 2) система представлена в виде иерархии, где более низкие уровни являются более фундаментальными;

3) сущности более низкого уровня являются частями сущностей более высокого уровня [9]. Сторонники редукционизма, как правило, являются реалистами относительно редуцируемых сущностей: тот факт, что все химические процессы, по их мнению, могут быть сведены к атомной физике или квантовой механике, вовсе не подразумевает, что химических объектов (например, молекул) не существует «на самом деле». Однако некоторые редукционисты, например, химик П. Аткинс, оспаривают эту точку зрения, утверждая, что подлинной реальностью обладают только объекты фундаментального уровня, а весь наблюдаемый мир является лишь «надстройкой» над этим уровнем и, следовательно, реального существования не имеет. Аналогичных взглядов по умолчанию придерживается и подавляющее большинство физиков, занятых поисками «теории всего».

Можно сказать, что современный редукционизм берет свое начало в работах Э. Нагеля. Для Э. Нагеля редукция имеет место, «когда экспериментальные законы вторичной науки являются логическим следствием теоретических положений первичной науки» [7, р. 352]. То есть химия является логическим следствием физики, биология — логическим следствием химии, а психология — логическим следствием биологии. И, в конечном счете, утверждение любой из частных наук может быть записано на языке физики (только на языке физики оно будет гораздо более длинным и сложным, а в случае, например, психологии, астрономически сложным, но, тем не менее, при должных вычислительных мощностях такой перевод является возможным). Все последующие варианты редукционизма, такие как структурный редукционизм, так или иначе опирались на работы Э. Нагеля, спорили с его моделью редукции или уточняли ее.

Чтобы показать несостоятельность редукционизма, можно использовать аргумент множественной реализации. Согласно этому аргументу, одно и то же функциональное состояние может быть реализовано несколькими физическими способами, и это означает, что редукция функционального состояния к конкретному физическому состоянию невозможна [1]. Этот аргумент впервые появился в философии сознания, однако очень скоро начал использоваться и в философии науки. Аргумент множественной реализации оспаривается некоторыми философами. Д. Льюис и Дж. Баттерфилд, в частности, считают, что при помощи этого аргумента нельзя полностью опровергнуть редукционизм [2, 6].

В то же время редукционизм критикуют не только с помощью абстрактных философских аргументов, но и при помощи отсылки к реальной научной практике. Мы считаем, что любая «хорошая» философия науки должна так или иначе опираться на актуальные достижения науки, потому что наука позволяет действительно эффективно познавать окружающий мир. Но в реальной научной практике даже такая относительно «простая» задача, как редукция химии к квантовой механике, так и не была выполнена. Например,

Л. Полинг, активно применявший квантовую механику в теории химической связи, в конце концов признал, что «теория резонанса является частью структурной химии, которая имеет существенную эмпирическую основу и не является просто отраслью квантовой механики» [8, р. 1]. В биологии ситуация еще сложнее: когда мы пытаемся применить редукцию к биологическим объектам, то неизбежно сталкиваемся с проблемой контекстно-зависимых молекулярных свойств, то есть таких свойств молекул, которые зависят от своего молекулярного окружения. Например, одна и та же аллель может приводить к различным фенотипам [5]. На несовместимость редукционизма и реальной научной практики указывал в том числе и П. Фейерабенд, который писал, что формальный подход к редукции становится невозможным, когда речь идет об универсальных теориях. В этом случае теория редукции Э. Нагеля перестает соответствовать реальной научной практике и разумному эмпиризму (см. Фейерабенд, 1986. Р. 29).

С этой точки зрения редукционизм как философская концепция состоит из грубых обобщений, не отражающих взгляды современной науки.

1. *Batterman R. W.* The Devil in the Details. Asymptotic Reasoning in Explanation, Reduction, and Emergence. Oxford University Press, 2002.

2. *Butterfield J.* Emergence, Reduction and Supervenience: A Varied Landscape // *Foundations of Physics*. 2011. Vol. 41. P. 920–949.

3. *Carnap R.* The Unity of Science. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, and Co, 1934.

4. *Chibbaro S., Rondoni L., Vulpiani A.* Reductionism, Emergence and Levels of Reality. Springer International Publishing Switzerland, 2014.

5. *Hull D.* Reductionism in genetics — biology or philosophy? // *Philosophy of Science*. 1972. Vol. 39. P. 491–499.

6. *Lewis, D.* Review of Art, Mind, and Religion // *Journal of Philosophy*. 1969. Vol. 66. P. 23–35.

7. *Nagel E.* The Structure of Science. Problems in the Logic of Explanation. New York: Harcourt, Brace & World, Inc, 1961.

8. *Pauling L.* The Nature of the Theory of Resonance // Todd A. (ed.) *Perspectives in Organic Chemistry*. Interscience, London, 1956.

9. *Sarkar S.* Genetics and reductionism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

10. *Smart J.* Sensations and Brain Processes // *Philosophical Review*. 1959. Vol. 68. P. 141–156.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент Н. В. Головки

Всесилен ли разум? Соотношение рациональности и иррациональности методологического анархизма П. Фейерабенда

И. А. Сероштан

Новосибирский государственный аграрный университет

Пол Фейерабенд — известный методолог науки, его работы всемирно и активно подвергаются дискуссиям в логике научного исследования. В трудах философа исследуется роль и значимость науки в современном обществе [1].

Целью данной работы будет исследование методологического анархизма, а также дать ответ на вопрос: «Всесилен ли разум?».

Предметом исследования является соотношение разума и иррациональности.

Объект исследования — это влияние анархистской концепции в исследованиях, в науке.

Задачи исследования:

- определим, что такое методологический анархизм;
- рассмотрим сущность методологического анархизма;
- рассмотрим проблемы философии и методологии науки в постпозитивизме.

В статье мы рассмотрим гипотезу, выдвинутую Фейерабендом, которая гласит, что рациональность в методологическом анархизме служит препятствием для развития в науке.

Начнем с определения. Методологический анархизм — философско-методологическая теория (основным способом сопряженная с именованием П. Фейерабенда), в основе которой находится установление о совершенной независимости академического творчества [1].

Сущность методологического анархизма. История науки подсказала Фейерабенду еще один довод в пользу анархизма: нет ни одного методологического принципа, ни одной методологической нормы, которые не нарушались бы в то или иное время или иным ученым [3].

В свою очередь, любой из нас должен сам выбрать — поддерживать или отрицать теорию или гипотезу, которую защищает ученый [1].

Проблемы философии и методологии науки в постпозитивизме. Тему науки Фейерабенд раскрывает в разных «срезах» в системе многих понятий — в том числе и таких как «рациональное», «иррациональное», «разум», «интуиция», «метод» и др. [1].

В данной взаимосвязи он подмечает недостаточность ограниченность, абстрактно-рационального подхода, выступает против «диктата разума»,

против «тирании тяжеловесных теоретических систем», ратует за свободу от «тирании деспотических систем мышления» [3].

Фейерабенд считает, что исключительно рационалистический «образ науки» — в особенности при его абсолютизации — служит преградой для ее формирования, а попытка сделать науку более рациональной и точной губит ее [3].

На основе проведенного нами исследования мы пришли к следующему выводу.

В целом Фейерабенд ярко представил ряд проблем и способствовал активизации работы постпозитивистской мысли в различных направлениях.

Иррациональность в методологическом анархизме в науке сопоставима с творчеством, однако для оценки своих идей ученые, на наш взгляд, должны следовать определенным четким правилам, которые необходимы для успешного развития науки [2].

1. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского М.: Прогресс, 1986.

2. Методологический анархизм [Электронный ресурс] studopedia.ru-URL:https://studopedia.ru/11_3767_metodologicheskij-anarhizm-p-feyera-benda.html

3. Всесилен ли разум? [Электронный ресурс] // refdb.ru — URL: <https://refdb.ru/look/2684370-p48.html>

Научный руководитель — д-р психол. наук, проф. Н. А. Корниенко

Гении и их роль в развитии науки

К. В. Тихоновская

Новосибирский государственный аграрный университет

С середины XIX века стали выдвигаться различные гипотезы, объясняющие причину проявления гениальности и выявляющие её особенности, которые, в свою очередь, противоречили друг другу. На данный момент мы имеем огромное количество трудов, на основе которых базируются новые представления о гениях, но которые до сих пор остаются недостаточными для полного представления о гении как о феномене. Гениальные способности могут проявляться в различных сферах деятельности. Но мы рассмотрим особенности проявления гениальности в научной деятельности и их роль в развитии науки.

Цель данной работы — изучить особенности гениальных способностей ученых и их роль в науке.

В качестве объекта исследования рассматриваются такие психологические понятия, как гениальность и гений.

Предмет исследования — особенности раскрытия гениальности у людей, занимающихся профессионально научной работой.

Задачи данного исследования:

- 1) раскрыть понятие «гениальность» и «гений»;
- 2) выделить главное отличие «гениальности» от других способностей;
- 3) проанализировать особенности ученых-гениев и их роль в науке.

Гипотеза заключается в том, что главные научные достижения человечества, которые способствуют развитию науки, принадлежат гениальным ученым.

Всякая деятельность, как говорит Б. М. Теплов, требует от человека обладания специфическими качествами, определяющими его пригодность к ней и обеспечивающими определенный уровень успешности ее выполнения, т. е. человек обладает различными способностями. Развитие любой способности предполагает существование каких-либо задатков и возможность дальнейшего развития. Гениальность является наивысшей степенью такого развития, а человека, обладающего гениальностью, называют гением. Н. А. Бердяев отмечает, что гениальность — это наивысшая степень проявления духовности, ума, творческих сил человека, благодаря которой создаются такие качественно новые творения, оказывающие непреходящее (в историческом смысле) влияние на развитие человеческого рода и духовное преображение человека. С. В. Чернов тоже видит проявление сверхсознания в гениальности, где собственно сверхсознание есть то же сознание, но сознание наивысшего уровня.

Главной отличительной чертой гениальности от других способностей считается создание чего-то совершенно нового, то, чего до этого не было, и при этом в качестве продукта деятельности гения будут выступать всегда ценности, что является важным элементом для развития науки. Наука — это очень важная сфера человеческой деятельности, где действия обязательно должны быть направлены на получение, обоснование и систематизацию истинного знания о мире в целом и её компонентов. А главная деятельность науки — это исследовательская деятельность, которая несет творческий характер и предполагает наличие умственных способностей ученых высокого уровня. Но стоит отметить, что в науке есть рядовые открытия, а есть гениальные, которые отличаются от рядовых тем, что с их помощью приращение знания происходит, как правило, скачками. А это явно признак работы гениального ученого, так как только гений способен быстро найти абсолютно новое решение. Гениальные ученые дают толчок научному прогрессу, именно они открывают самое фундаментальное. Только открытия гениев приводят к появлению качественно нового видения картины мира, нового потенциала и тенденций развития науки.

Но, как известно, на проявление и развитие гениальности могут влиять различные факторы. Например, если гения не любят, плохо воспитывают и скверно обучают, то гениальные способности не будут развиваться. Соответственно, чтобы знать, как правильно нужно воспитывать гениев, обучать и способствовать развитию их гениальных способностей дальше, необходимо построить твёрдую теоретическую базу и сформировать психолого-педагогические программы по работе с гениями как для детей, так и для взрослых.

В результате данного исследования была выявлена закономерность, выражающаяся в том, что самые важные и фундаментальные открытия в науке совершаются учеными, обладающими гениальными способностями. Изучив более детально эту закономерность, дополнив недостающие знания о гениальности и определив эффективные методики работы с гениями, способствующие развитию их способностей, мы сможем увеличить число гениальных открытий в науке.

Научный руководитель — д-р психол. наук, проф. Н. А. Корниенко

Соотношение математики и логики у Канта

А. Ю. Фотева

Новосибирский государственный университет

Разделы, посвященные трансцендентальной логике, составляют основу «Критики чистого разума», как по объему, так и по смысловому значению по отношению ко всему труду. Именно в рамках второй части раздела «Учение о началах», в «Трансцендентальной логике» Кант отвечает на фундаментальные вопросы о том, как возможны математика и естествознание. Эти вопросы по-прежнему остаются актуальными.

В начале XX века первый вопрос Канта — о том, как возможна математика, — актуализировался в основных направлениях философии математики: логицизме, формализме, интуиционизме. Каждое из этих направлений по-разному понимало как сущность математики, так и соотношение математики и логики. Очевидно расхождение логицизма с позицией Канта: по мнению Фреге и Рассела, Кант считал, что математика основывается на чувственном созерцании, они же утверждали, что математическое познание имеет не чувственный, а чисто логический характер. Фреге и Рассел считали, что математические суждения, как и предложения логики, аналитичны, а по Канту суждения математики — синтетические. И, несмотря на столь сильное расхождение философских позиций, они, тем не менее, не преминули указывать на философию Канта, пусть и как на отрицательный пример, не только критикуя кантианскую позицию в целом, но и указывая на частные «недоразумения». Так, например, Фреге пишет в своих «Основаниях арифметики» о том, что Кант, описывая возможность арифметики, очевидно предполагает лишь малые числа, которые можно созерцать наглядно в образах. Однако сам Кант в «Критике чистого разума» объясняет известную ему арифметику, а потому, конечно, не ограничивает ее применение малыми числами. Причина такого расхождения между Кантом и Фреге заключается, по-видимому, в различном понимании связи между понятием и образом в математическом познании. Так, согласно Фреге, Кант связывает понятие и образ числа непосредственно. Логичным следствием из этого является то, что понятие числа оказывается зависимым от единичного чувственного созерцания, что ограничивает область понятий только теми, чувственные образы которых возможно себе представить. Однако сам Кант действует иначе: он связывает понятие и образ через трансцендентальную схему — метод, каким в одном образе представляется множество сообразно некоторому понятию. Именно через схему, а не непосредственно, способность воображения доставляет понятию его образ, и именно через нее

воспринимается число, безотносительно к тому, насколько оно велико. Судя по всему, такое понимание Канта представителями логицизма явилось причиной и других аргументов против его позиции. Позиции других двух подходов — формализма и интуиционизма — более схожи с кантовской в этом вопросе. Хотя и здесь можно найти как сходства, так и различия, сходства наиболее очевидны. Так, интуиционизм полагает математику самостоятельной дисциплиной, заключающей свои основания внутри себя самой. Это вполне совпадает с позицией Канта. Если рассмотреть формализм, то и здесь заметно сходство, например, в положении о том, что математика не может быть целиком обоснована только с помощью логики. Действительно, и Кант описывает математику как познание, согласующееся с логикой, но не основывающееся при этом на ней. Однако при таких очевидных на первый взгляд сходствах, и здесь, тем не менее, не может не быть расхождений во взглядах. Но уже на основании вышесказанного можно говорить о том, что представители всех трех перечисленных подходов не без оснований соотносили свои позиции именно с кантианством, находя в нем или источник заблуждений, как логицисты, или поддержку собственных взглядов, как формалисты и интуиционисты.

Кант оказался актуален в 20 веке и в других областях. Так, например, кантианская позиция по поводу непознаваемости природы как «вещи в себе», а также то, что разум по Канту в каком-то смысле диктует законы природе, оказалась связана с проблемами квантовой физики, в частности, с интерпретацией экспериментов и попытками разрешить уже накопившиеся в этой области парадоксы.

Таким образом, даже на основании вышесказанного можно сделать вывод, что философия Канта занимала особое место в этих дискуссиях, вспыхнувших в философских и научных сообществах в начале 20 века. Они актуальны и сейчас, поэтому мне кажется важным понять влияние Канта на их формирование.

Научный руководитель — канд. филос. наук А. В. Нечипоренко

Проблема пессимистической метаиндукции и научный реализм

И. И. Эртель

Новосибирский государственный университет

В XX веке физика стала чрезвычайно абстрактной наукой. Описываемый ей мир разительно отличается от того мира, который мы воспринимаем органами чувств. Вопрос о природе теоретических объектов и их эпистемическом статусе является важной проблемой философии науки и остается предметом споров по сей день.

Мотивацией для формирования реалистской позиции в философии науки послужил отказ от верификационистского критерия значения, который являлся базовым положением двух основных направлений позитивистского антиреализма — семантического инструментализма (теории — схемы кодификации эмпирических законов) и редуктивного эмпиризма (теоретические высказывания можно переформулировать в терминах наблюдения), в пользу каузальной теории значения. Логические позитивисты и эмпиристы отрицают возможность теоретического знания, то есть знания о ненаблюдаемых объектах и явлениях, в то время как с точки зрения научных реалистов знание о ненаблюдаемых объектах возможно.

Наиболее распространенное определение научного реализма выглядит следующим образом: мы должны верить в независимое от разума существование ненаблюдаемых объектов (протоны, электромагнитные волны и т. п.), постулируемых нашими наиболее успешными научными теориями. Основной аргумент в пользу научного реализма заключается в том, что эмпирическая успешность современных научных теорий не может быть случайностью, а успех науки в целом был бы сверхъестественным, если бы научные теории не были, по крайней мере, приблизительно истинными описаниями мира. Впервые этот аргумент был сформулирован Х. Патнэмом.

Вышеупомянутое определение реализма является приблизительным обобщением ввиду разнообразия подходов в рамках научного реализма и требует уточнений. Согласно реализму, теоретические утверждения и термины, интерпретируемые буквально как имеющие истинностное значение (*семантический аспект*) и описывающие независимую от разума реальность (*метафизический аспект*) представляют собой знание о мире (*эпистемологический аспект*). Несогласие с различными аспектами научного реализма лежит в основе различных антиреалистских позиций.

Однако наиболее сильным аргументом против научного реализма считается пессимистическая метаиндукция: многие очень успешные научные теории, некогда принимаемые большинством, теперь считаются ложными;

нет уверенности в том, что такая же участь не ждет современные общепринятые теории. Известным сторонником этого аргумента был Л. Лаудан, представивший список некогда успешных, но отвергнутых научных теорий. Отстаивая свою позицию, реалисты попытались с помощью ограничений выделить те теории, в отношении которых возможен реализм. Он распространяется на достаточно зрелые теории, которые не были созданы *ad hoc* (для того чтобы объяснить уже известные наблюдения при отсутствии какой-либо строгой проверки) и которые позволяют успешно делать новые предсказания. Эти поправки оказались весьма смутными и вызывали множество вопросов. Концепция структурного реализма Дж. Уоррала представляет возможность выбраться из этого тупика.

Структурный реализм был предложен Дж. Уорралом в 1989 г. Главная задача, которую ставил перед собой Уоррал, — примирить аргумент о научных революциях с каким-либо видом реалистской позиции в отношении принятых научных теорий. Отправной точкой для структурного реализма является признание того, что пессимистическая индукция верна в отношении радикальной неоднородности научных теорий на теоретическом уровне, т. е. на уровне описаний ненаблюдаемых объектов, фундаментальных механизмов и причин явлений.

Согласно структурному реализму, позитивное эпистемическое отношение возможно только по отношению к математическому или структурному содержанию теорий. Уоррал подтверждает свою позицию на примере сохранения математической структуры законов Френеля в теории электромагнетизма Максвелла. В таком виде опровержение реализма с помощью пессимистической индукции оказывается невозможным, так как Уоррал отказывается от метафизического положения научного реализма о том, что природа вещей правильно описывается лучшими научными теориями. А утверждение о том, что прежде всего структура теории описывает мир, а не ее эмпирическое содержание, не делает успех науки чистой случайностью.

Таким образом, приняв агностицизм в отношении природы ненаблюдаемых объектов и явлений, Дж. Уоррал предложил наиболее сильную версию научного реализма.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. Н. В. Головкин

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 133

Понятие чуда в философии

П. В. Боровикова

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск

В обыденном понимании чудо — это необычное событие, которое трудно объяснить и которое противоречит естественному ходу вещей. Чудом могут назвать некое редкое событие, которое случилось впервые за долгое время, совпадение, которое практически нереально. В словаре В. И. Даля чудо определяется как «всякое явление, кое мы не можем объяснить по известным нам законам природы» [1, с. 630].

Изначально идея чуда разрабатывалась в религии, и для любой религии это необходимое понятие. С точки зрения религии чудо — сверхъестественное, непостижимое событие, вызванное волей божьей и побеждающее законы природы ради достижения божественной цели. При этом разные религии его по-разному трактуют: так, в исламе чудо — это прежде всего божественное знамение, тогда как христианство акцентирует значение чуда как помощи людям.

В философии понятие чуда связывается прежде всего с теорией причинности. Концепт чуда возможен там, где причинное объяснение представляется недостаточным для объяснения сущности, значимости или своевременности произошедшего события. При этом оно далеко не обязательно связано с вмешательством сверхъестественного. Альтернативная вера в сверхъестественное признание чуда может базироваться, например, на индетерминизме и понимании человеческой воли как более или менее независимой от законов природы самостоятельной силе. Также в трактовке чуда важен момент интерпретации. При скептическом отношении большинство чудес, даже религиозных, можно объяснить рациональным способом; признание чуда связано с убеждением, что здесь имеет место нечто большее, чем линейное рациональное объяснение.

Древнегреческие философы рассматривали понятие чуда исходя из общей особенности античной культуры — убеждения в том, что боги активно участвуют в жизни людей, влияют на события, посылают людям знамения. О реальности чудес говорили Гераклит Эфесский, Сократ, пифагорейцы. Практически во всей древней и средневековой философии понятие чуда присутствовало.

Для вопроса об отношении чуда к законам природы блестящее решение было предложено Августином Блаженным. По его определению, чудеса противоречат не законам природы, а лишь нашим представлениям о законах природы. Поскольку наши представления о законах природы на каждом этапе ограничены, чудо — это выход за их пределы.

Такая трактовка может служить основанием как для признания чудес, так и для критического к ним отношения. Примером первого служит позиция Дж. Локка, который приводил следующее соображение: для короля Сиама, никогда не видевшего льда и не знавшего, что вода может замерзать, рассказ посла о том, что в Голландии слон мог бы ходить по воде — это история о чуде. Примером второго является протест Б. Спинозы против понятия чуда, которое он прямо отождествляет с понятием «неведение». Ту же позицию поддерживал И. Кант; согласно его философским взглядам, нарушение естественных закономерностей природы не только весьма маловероятно, но даже логически невозможно. С точки зрения И. Фихте и Г. Гегеля, вера в наглядные, «житейские» чудеса не только не требуется для религиозного благочестия, но даже вредит ему и вообще не соответствует глубокому пониманию всеобщей духовной основы реальности.

На наш взгляд, наибольшую перспективу имеет философское понимание чуда, связанное с идеей свободы человека. Чудо — это действие вразрез с кажущейся необходимостью, гуманистическая альтернатива тотальной детерминации космоса и частичной детерминации социума, свободный выбор человека в условиях, которые, казалось бы, делают возможным только рутинный вариант поведения. Так случаются чудеса любви, дружбы, надежды, целеустремленности — всех непредопределенных, но составляющих сущность человеческого бытия факторов нашей жизни. К тому же разряду относится героизм, когда люди совершают невозможное с точки зрения обыденного здравого смысла. Чудо — это предельно редкое, но принципиально возможное событие, осуществимое при напряжении всех человеческих возможностей, а вовсе не беспричинное нарушение законов природы.

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Л.: Гослитиздат, 1935. Т. 4.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Н. И. Мартишина

Культ войны

К. С. Бочкарёв

Новосибирский военный институт им. генерала армии
И. К. Яковлева Войск Национальной Гвардии Российской Федерации

Ученые подсчитали, что за 55 веков деятельности человечества только 300 лет оно прожило без войн. Получается на 1 год мирной жизни приходится 18 лет войны. Приблизительно в мире произошло 14 500 тысячи войн. Данные цифры являются показательными и наталкивают на размышления. Тема вооруженного решения проблем всё ещё является актуальной для нас: конфликт на востоке Украины, Сирийская операция и многие другие локальные конфликты, несущие бедствие для простого народа.

Объектом данной работы является война как обыденное действие человека, предметом является война в разных аспектах жизнедеятельности: прикладном, этическом.

Целью данной работы является анализ войны как главного проявления сущности человека посредством анализа суждений и высказываний людей, включая исторические аспекты художественной литературы и философской мысли.

В ходе работы мною была выдвинута следующая гипотеза: «Сущность человеческого бытия — война как форма борьбы, подкрепленная идеологическим обоснованием в философии и литературе».

Базисом античных философов выделяются идеи мира, но этот вопрос рассматривался только как проблема отношений между греческими городами-государствами. Данная точка зрения была предложена Платоном в его труде «Государство» и поддержана Аристотелем.

В средние века войну рассматривали как борьбу между приверженцами Бога, созидающими град божий, и приверженцами сатаны, строящими град земной, базисом которой были религиозные догматы. В работе анализировались такие колоссы средневековой философии, как А. Блаженный «О граде Божием», Ф. Аквинский «Сумма теологии».

В эпоху Возрождения осуществился поиск корней общественных явлений, прежде всего, в самой действительности. В своем труде Н. Макиавелли называет движущей силой общества политическую борьбу [3]. Другие философы (Ж. Руссо «О праве войны и мира», Вольтер «Карманный философский словарь») углубили устоявшиеся позиции в данном вопросе. Следует выделить немецкого философа Г. Гегеля, утверждавшего, что «войны не случаются, они вызываются природой вещей» [4].

В отдельную категорию следует вынести К. Маркса и Ф. Энгельса. Они связывали происхождение войны с расколом общества на антагонистиче-

ские классы, с образованием государств, проводящих несправедливую политику как внутри общества, так и в сфере межгосударственных отношений. Насилие — это только средство. Целью является экономическая, политическая и иная выгода [2].

В период нового времени культ войны достиг своего апогея. Причины были самыми разными, как и их обоснование. Клаузевиц отмечал, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами. Этой характеристикой обуславливаются дальнейшие обоснования ведения войны. Крупнейшими идеологами экспансионной политики были Э. Юнгер «В стальных грозах», А. Гитлер «Майн кампф» и многие другие политические деятели.

Практически во всех произведениях, рассматриваемых мною в мировой литературе, война классифицируется как несчастье, бедствие. В произведении Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» мы читаем: «Война — это нечто вроде опасной болезни, от которой можно умереть, как умирают от рака и туберкулеза...» [1]. В произведениях о войне М. А. Шолохова «Родинка», Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие», Э. Хемингуэя «Прощай, оружие» даётся схожая оценка.

В ходе работы рассмотрены причины различия взглядов на войну у философов и писателей, заключающиеся в восприятии войны: философы рассматривали войну с позиции государства, а писатели — с позиции граждан.

В ходе проведенного социального опроса было выявлено: около 78,5 % опрошиваемых располагали только к защите от агрессора, 16,5 % выступили за отказ от войны как формы решения политических проблем и только 5 % опрошиваемых оказались милитаристами.

В результате исследования была опровергнута гипотеза о сущности человека, заключающаяся в войне. Конфликты разных масштабов являются рычагом воздействия, подкрепляемые разными политическими и экономическими причинами. Подтверждение данного тезиса можно найти в трудах независимых философов, писателей и простого народа, которые отклоняют такую форму решения проблем.

1. *Ремарк Э. М.* // Словарь современных цитат / Сост. К. В. Душенко. М.: Эксмо, 2006.

2. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.

3. *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.

4. *Гегель Г.* Критический журнал философии. 1802. Т. 2.

**Киногерой «пацан» как образец «мужского»
в советском и российском кинематографе (1983–2018 гг.)**

Э. В. Кабышева

Томский государственный университет

В 1983 г. Динара Асанова называет свой фильм о трудных подростках «Пацаны», тем самым обозначая определенный тип поведения у подростков. Затем «пацаны» продолжают существовать в советском и российском кинематографе, до 1990-х гг. как трудные подростки, после — как юноши из «пацанской среды». Некоторые фильмы о «пацанах» стали культовыми, поскольку, по мнению зрителей, в них был запечатлен дух времени. Герои культовых фильмов были собраны из традиционных маркеров мужественности, национального и патриотического контекста. Персонажи культовых фильмов воплотили один из немногих образов «мужчины», существующих в российском медиапространстве, и повлияли на дальнейшее существование «пацана» в кино.

Цель данной работы заключается в анализе кинематографического образа «пацана» и обосновании его как образца «мужского поведения» в российской культуре.

Значения термина «пацан» можно разделить на три группы в зависимости от контекста использования и источника исследования. В классических словарях данный термин означает подростка, мальчика, то есть возрастную принадлежность индивида; в словарях жаргонизмов «пацан» — это малолетний преступник или уважаемый член молодежной группировки; в современных социологических и антропологических исследованиях «пацан» — это идентификационное понятие, которым подчеркивается принадлежность к своей («пацанской») субкультуре группы. Именно в этом качестве «пацан» становится типичным персонажем российского кинематографа последних десятилетий.

Фильмы о «пацанах» — это фильмы о мужском мире, где персонажи женского пола встречаются крайне редко. Многие качества и поступки героев направлены на отстаивание себя как мужчины и репрезентируют определенный тип маскулинности. Жизненные ценности «пацанов» подчеркивают их направленность на поддержание гендерной идентификации «мужчины», исходя из которой строятся другие идентификации. «Пацаны» подчеркивают свою гендерную принадлежность самоназваниями («брат», «мужик», «пацан»), одеждой, аксессуарами, постоянным соотношением своих поступков с «мужскими» [1] правилами поведения.

Помимо гендерного разделения на мужчину — добытчика и женщину — хранительницу очага, герои обладают другими традиционными гендерными

стереотипами. К ним относятся: доминирующее положение по отношению к женщине, умение драться, низкая эмоциональность, иерархичность. В них улавливаются традиционные маскулинные характеристики, описанные голландским антропологом Г. Хофстедом: господствующая ценность — успех и прогресс, важность денег. «Пацаны» воспроизводят античные идеалы мужественности, такие как смелость, способность к подвигам и героизму.

Нередко фильмы демонстрируют процесс включения «пацанов» в криминальный мир как некий обряд инициации юноши, его взросление, превращение в мужчину. Об этом писал П. Романов, анализируя сюжет фильма «Брат», где старший брат — «символический отец» — подвергает младшего испытаниям для достижения состояния взрослости [1].

Некоторым «пацанам» свойствен «мачизм». М. Котовская и Н. Шалыгин пишут, что «мачизм» переживается обществом во время системного кризиса. В 1990-е гг. на российскую культуру оказал большое влияние тип «мачо» американского кино. В то время как в России понимание маскулинности переживало жестокий кризис, мужчина, который был способен в короткие сроки обеспечить себе в материальном смысле достойный образ жизни, оказался идеальным социальным героем того времени [2].

Ценностями «пацана» являются свобода, власть, мужское товарищество, смелость, активно демонстрируемые персонажами таких фильмов, как «Брат» и «Брат-2», «Бумер». Примечательно, что героиня фильма «Сестры» тоже представляет «пацанскую» модель поведения, что позволяет рассматривать ее в качестве своего рода «культурного архетипа».

Феномен «пацана» не только отобразился в отечественном кинематографе, но и создал определенный тип маскулинности и героя с устойчивыми чертами и жизненными установками, который до сих пор остается востребованным. При этом за последние 10–15 лет под влиянием общекультурных тенденций и актуальных тем в кинематографе (война, спорт) этот образ трансформировался и приобрел черты, выражающие не только субкультурную, но национально-культурную идентичность — патриотизм, коллективизм, чувство долга.

1. Романов П. В. По-братски: мужественность в постсоветском кино // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007.

2. Котовская М. Г. Анализ феномена мачизма // Общественные науки и современность. 2005.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент В. Е. Буденкова

Мифологическое измерение в кинематографе

А. С. Климова

Томский государственный университет

Проблема мифологического измерения в кинематографе представляется актуальной. Во-первых, кино сегодня — это распространенный вид искусства, который влияет как на массовое сознание, так и на индивидуальные представления. Во-вторых, в современном обществе происходят активные процессы ремифологизации: мифологические сюжеты возобновляются и распространяются на всю культуру. В-третьих, мифологическое и кинематограф тесно взаимосвязаны. Кино становится магией, так как открывает завесу сакрального, отсылает к вечным образцам и архетипам.

Существуют различные интерпретации как мифа, так и кино, но в рамках данной работы миф будет рассматриваться *как поэтическое измерение сознания (строящий сам себя поток), переживание образа, как особый строй или настроенность воображения*, а кино — *как чувства, переживания и эмоции, которые человек испытывает, погружаясь в другую действительность*.

В обыденном сознании под «мифом» понимается вымысел, иллюзия. Однако мы обратимся к теоретическому понятию. Миф — это иррациональная сила, которая влияет на человека. Через мифологические представления индивид осознает и объясняет окружающую его реальность. В контексте раскрытия нашей темы обратимся к некоторым известным философам. Мирча Элиаде рассматривал миф как действительно произошедшее, сакральное событие [1]. Он называл его «живым», подразумевая под этим то, что миф предлагает людям примеры для подражания, показывает им значимость жизни. Елеазар Моисеевич Мелетинский говорил, что мифологическое мышление является древнейшей формой выражения и символическим «языком», с помощью которого человек моделирует и интерпретирует как мир, так и самого себя [2]. Французский философ и литературовед Ролан Барт утверждал, что миф есть «слово», некоторое сообщение, которое передается через рекламу, фотографию и, конечно, кино [3]. В процессе исследования необходимо остановиться и на психоаналитическом понимании мифа. Это связано прежде всего с работами Карла Юнга и его термином «личный миф» человека. Для начала вспомним высказывание Александра Моисеевича Пятигорского, который в своей работе «Мифологические размышления» писал, что миф — это я, мое поведение, моя речь и моя мысль [4]. Юнг считал, что сознание воздействует на бессознательное, которое в свою очередь влияет на человека. Он задавался вопросом: «...каков же твой миф — миф,

в котором ты живешь?» [5]. Миф воплощает глубинно-внутреннее и выражает его через символы. Таким образом, личный миф — это метамодел ь мира, бессознательный образец, которому следует человек в периоды своей жизни, чаще всего не задумываясь об этом. Можно сказать, что персональный миф — это фильм, в котором человек играет свою главную роль.

Связь кинематографа и мифологического состоит в том, что понимание мифа и кино — это личный взгляд индивида на окружающие вещи и события. Одни из главных особенностей мифологического — отождествление фантазий и действительности и ее эмоциональная насыщенность: миф воспринимается как реальность, которая погружает человека в переживание происходящих событий. Еще одной характерной чертой мифа выступает наглядно-образная природа: окружающий мир объясняется через образы и чувственные ассоциации. Кино тоже можно понимать по-разному. Можно определять кинематограф через нарратив, монтаж и движущиеся изображения. Однако нас будет интересовать другая интерпретация — как переживания и чувства, проживающиеся зрителями и оказывающие на них определенное воздействие. Особенности кино очень плотно переплетаются с особенностями мифа: это и образы, с помощью которых объясняется происходящее, и переплетение творческой фантазии с действительностью, и определенный язык, и эмоциональная насыщенность. Таким образом, киноискусство не только строится на мифах, оно также само создает мифы, создает мифологическое измерение, в которое погружается каждый отдельно взятый человек.

1. *Элиаде М.* Аспекты мифа / Пер. с фр. В. П. Большакова. 5-е изд. М.: Акад. проект, 2014. С. 19.

2. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Акад проект; Мир, 2012. (Технологии культуры). С. 137.

3. *Барт Р.* Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 3-е изд. М.: Акад. проект, 2014. (Философские технологии). С. 265–266.

4. *Пятигорский А. М.* Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М.: Язык русс. культуры, 1996. С. 17.

5. *Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1995. С. 93.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. Ю. С. Осаченко

**В поисках объекта современной эстетики:
Мартин Зеель и его «эстетика явления»**

В. О. Кондрашова
НИУ Высшая школа экономики, г. Москва

Эстетическое знание имеет фундаментальную связь с философско-культурологической парадигмой, «акцентируя взаимосвязь эстетических ценностей и высоких культурных практик — художественных, религиозных, интеллектуальных, политических — в истории мировой и современной культуры» (О. А. Жукова).

Современные теоретики эстетики как теории восприятия не только последовательно растождествляют объект эстетики как философской дисциплины с объектами и практиками художественного творчества, но и избирают особый путь его объективации. Поле эстетического обретает совершенно новые дисциплинарные очертания, а именно: эстетическое рассматривается как процесс и как особый тип человеческого опыта. Это влечет за собой ряд важных поправок в эстетическую теорию:

1) во-первых, теория эстетики отказывается от принципа нормативности. Изменяется характер взаимоотношений между эстетическим объектом/опытом и теорией: последняя не опосредует их, а находится в постоянной попытке освоить как всю полноту современных художественных практик, так и осмыслить сам опыт, который всегда предшествует любой теории;

2) во-вторых, меняется методологическая рамка, сам язык говорения об эстетическом: дискурс эстетики исключает традиционные категории «прекрасного», «красоты» и т. п.

Немецкий философ и теоретик философии искусства Мартин Зеель именует свою концепцию новой эстетики как *aesthetic of appearing* (дословно «эстетика явления»), где «явление» понимается не как объект (или событие), а скорее как процесс. Эстетическое восприятие трактуется как один из вариантов повседневного восприятия — и в этом своем качестве оно не требует каких-либо специальных условий для осуществления.

«Явление» как событие эстетического восприятия обладает особой плотностью и темпоральностью — это всегда полнота человеческого присутствия внутри события. Но эстетическое не есть феномен психического, поскольку имеет внешнее измерение. Зеель не онтологизирует эстетическое, но отмечает, что оно есть «зона» максимизации присутствия как для субъекта, так и для объекта. За пределами эстетического опыта и тот, и другой пребывают в некотором дефиците. Это наблюдение исследователя строится на раскрытии диалектики присутствия-отсутствия человека и вещи.

Он утверждает, что существование не тождественно присутствию: человек присутствует в модусе отсутствия (его ментальное и психическое измерения не наличествуют здесь и сейчас), и одновременно он как бы «проскакивает» вещи по пути к какой-либо другой цели. В механистичности своего повседневного опыта субъект не дает вещи себя «сказать» и «заявить». Присутствующими его делает как раз эстетическое. «Явление» разрывает отсутствующее присутствие человека в мире: делает максимальным, по-сторонним, сферой напряженной имманентности, где время становится пространством. Эстетический опыт дает субъекту его самого, а вещи — возможность обнаружить себя.

Мы встречаемся на этапе размышлений о теории Зееля сразу с двумя теоретическими сложностями, которые и хотим обозначить. Во-первых, представляются не вполне очевидными основания для причисления такого типа опыта к регистру эстетического. Позволим себе высказать предположение, что многовековая восточная религиозно-философская традиция артикулирует подобный тип опыта как «осознанность» (*mindfulness*). Безусловно, традиционная парадигма потребления предметов искусства (например, в музейном пространстве) как тип опыта, действительно, морфологически отличается от повседневного неэстетического: опыт искусства всегда эстетический (в значении теории Зееля). Именно эти характеристики в свое время послужили основанием для программного заявления Дьюи о том, что эстетическое суть везде, где такого рода опыт случается с человеком (посещение Лувра не является обязательным условием, даже уличный шум может быть услышан как музыка, то есть услышан по-особенному). Как представляется, мы имеем дело с некоторым логическим договариванием этой интуиции Дьюи, попыткой дать более качественное описание данного опыта, определяемого как эстетический. Вторая проблема — проблема определения «вещи как она есть» в теории Зееля. Исследователь использует достаточно провокативную формулировку, за которой кроется уже обозначенная нами максимальность присутствия последней в пространстве. Таким образом, в его задачу не входит описание какой-либо «истинной» сущности вещи и соотнесение собственной теории с масштабной философской традицией. Можно сделать вывод, что Зеель остается в дисциплинарных рамках эстетики, не выходя за пределы описания чувственного опыта.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. О. А. Жукова

Типы ценностных ориентаций и жизненный выбор личности

В. С. Кривец

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск

Проблема поиска себя и совершения выбора своего жизненного пути всегда являлась одной из главных проблем каждого человека, независимо от его социального статуса. Решением данной проблемы человек занимается на протяжении всей своей сознательной жизни, начиная с малолетства и заканчивая старостью. Жизненный выбор человека — это выбор ценностных ориентаций.

Ценности в философии определяются как то, что на индивидуальном уровне и в социуме считается важным, значимым, может служить ориентиром человеческой деятельности. К ценностям относятся любовь, дети, семья; близкие друзья, общение; здоровье; реализация себя в работе и жизни; финансовое благополучие; духовные переживания и достижения; развлечения и хобби; статус в обществе; стабильность жизни; свобода слова и выбора. Одновременно все эти ценности не могут быть в равной степени ориентирами деятельности, в том числе потому, что между собой они находятся в относительном противоречии (например, высокий социальный статус сильно ограничивает свободу как возможность совершения спонтанных поступков и высказываний, а затраты времени и сил на достижение финансового благополучия оставляют мало места для хобби). В результате у каждого человека какие-то из этих ценностей не являются приоритетными, также для него могут существовать совершенно иные ценности.

Ценностные ориентации — это внутренне принятые личностью ценности, предрасположенность к пониманию условий жизни и деятельности в контексте значимости именно этих ценностей. Ценностные ориентации являются опорными установками личности для регуляции её поведения и принятия решений. Показателем устойчивости личности считается непротиворечивость ценностных ориентаций. Однако следует понимать, что в системе ценностных ориентаций личности непременно происходят изменения, имеется своя динамика и прогресс. Факторами, определяющими ценностные ориентации того или иного человека, являются его деятельность, условия жизни, способности, интересы, потребности.

В работе Эриха Фромма [1] ценностные ориентации разделяются на два типа: непродуктивные и продуктивные. К непродуктивным Э. Фромм относил следующие ориентации:

а) рецептивная ориентация. Все ценности рассматриваются как внешние, а единственный способ достичь своей цели, например, чего-либо материального, знания, любви — получить это извне;

б) эксплуататорская ориентация. Источник ценностей также является внешним, а все, что ему требуется, человек пытается получить путём силы или хитрости;

в) накопительская ориентация. Надежность существования человека с такой ориентацией основана на бережливости. Люди ставят главной целью приносить как можно больше в свою «крепость» и как можно меньше из нее отдавать (это касается не только материальных ценностей, но и мыслей и чувств);

г) рыночная ориентация. Все знания, умственные способности и возможности человек представляет в виде товара, который важно продать как можно дороже, при этом, возможно, жертвуя своими принципами, самооценкой и самоуважением; ценности приобретаются на социальном рынке, где у всего есть своя цена;

д) продуктивная ориентация: человек стремится к созиданию и убежден, что ценности он должен не получить в дар или выторговать, а самостоятельно создать, придать своей жизни ценность.

Ценностные ориентации проявляются во всех сферах человеческой деятельности. В том числе можно предположить, что важнейшая проблема молодого возраста — проблема выбора места учебы и будущей профессии — тоже решается исходя из ценностных ориентаций. Человек с рецептивной ориентацией будет искать профессию, которая сама по себе принесет ему богатство и известность (например, девушка стремится стать телеведущей), человека с накопительской ориентацией будет интересовать в первую очередь надежность и устойчивость профессии на рынке труда, человек с рыночной ориентацией соотнесет величину затрат (не только финансовых) с ожидаемой отдачей, а человек с плодотворной ориентацией ищет прежде всего возможность самореализоваться.

1. *Фромм Э.* Человек для себя. М.: АСТ, 2016. 320 с.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Н. И. Мартишина

Защитные механизмы цивилизации

М. З. Мусаев

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г.Новосибирск

Последние полвека появляется много новых гуманитарных дисциплин на стыке наук, таких как психоистория, психокультурология. Закономерно, что научное знание обновляется на стыках наук в междисциплинарных исследованиях. Это касается и наук о человеке, в которых естественно использование методов и терминологии психологических дисциплин. Возникает необходимость во включении в область научного анализа аспектов психики человека на всех ее уровнях, установление мотивов, установок, ценностей и стереотипов как отдельных личностей, так и общественных классов.

Особенно важно это реализовать в рамках процесса обучения в высшей школе, так как это поспособствует упрочению связей между различными дисциплинами и предоставит возможности для предметного диалога между преподавателями. Естественно, что подобное «стирание границ» потребует от них постоянного расширения образовательного поля и кругозора.

Междисциплинарные исследования позволяют изучать такие сложные проблемы, как психологические защитные механизмы цивилизации и их воздействие на ценности и установки той или иной культуры и массовое сознание. Эта тема освещена не так широко, как концепция индивидуальной психологической защиты, разработанная А. Фрейд, Ф. Перлзом и И. Польштер. В работах Г. Лебона и Э. Канетти, посвященных массовой психологии, экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра, хотя подобные явления и описываются, но термин не упоминается и само действие психологической защиты не анализируется. Однако история богата на примеры, в которых проявлялись именно психологические защитные механизмы на массовом уровне.

Довольно широкое распространение на массовом уровне получил такой механизм защиты, как проекция. Она представляет собой освобождение индивидуума от навязчивых, опасных для него психических тенденций путем приписывания их другим лицам и объектам. Именно проекция в средневековье способствовала бесчинствам инквизиции, в прошедшем веке мобилизовала массы во время войны, а в наше время она служит базой для таких негативных явлений, как исламский джихадизм и этнические чистки.

По мере утверждения мифов о национальной или государственной исключительности включается другой механизм — интроекция. Интроекция — это некритическое заимствование индивидуумом социальных норм, ценностей, взглядов и убеждений других людей и целых сообществ, стира-

ющее грань между собственными и чужими представлениями. Она является излюбленным инструментом «конструкторов» тоталитарных и авторитарных режимов и адептов экстремистских организаций.

Помимо этого, на массовом уровне проявляется действие и других механизмов психологической защиты, таких как конфлюэнция, ретрофлексия, дефлексия и эготизм. Конфлюэнция — стирание межличностных барьеров, которое вызывает чувство эйфории и беспричинный энтузиазм. Она порождает дружбу, любовь и боевое товарищество. Но на ней же базируются коррупция и клановость. Ретрофлексия — самозамыкание, патологическая интроверсия. Проявление того или иного защитного механизма во многом зависит от культурных традиций.

В целом цивилизационные защитные механизмы при всей их иррациональности призваны предотвращать возникновение массовой патологии идентичности. По мере дальнейшего развития цивилизации, вероятно, будут возникать новые ее защитные механизмы и усложняться уже существующие. Вся динамика социума демонстрирует тенденцию к усложнению тонкой системы его саморегуляции.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент А. И. Давыдов

Трагический катарсис в трактате «Поэтика» Аристотеля

Я. В. Носикова

Томский государственный университет

В современном мире мы продолжаем наблюдать влияние античности на европейскую культуру, которое выражается даже в очевидном использовании древнегреческих понятий в искусстве, литературе, живописи и т. д., закономерное в силу самой истории становления европейских языков. Однако далеко не всегда греческие слова употребляются в своем изначальном смысле, хотя именно в нем может крыться ответ на многие вопросы современной философии и эстетики. Основная же задача в рамках данной работы состоит в том, чтобы проанализировать концепцию трагического катарсиса Аристотеля, так как она породила огромное количество трактовок и противоречивых интерпретаций в дальнейшей истории философской мысли. Внешне простая теория катарсиса обладает гораздо более сложной структурой, чем принято думать, и включает в себя подражание, страх, сострадание и наслаждение.

О катарсисе Аристотель говорит в одном из выдающихся памятников античной культуры — трактате «Поэтика», написанном приблизительно в 335 до нашей эры и кратко рассказывающем о различных родах литературы.

В самом общем виде заглавие трактата «Поэтика» указывает на то, что в нем Аристотель исследует различные поэтические жанры, главную характерную черту которых он формулирует уже в самом начале: «эпос и трагедия, а также комедия, дифирамбическая поэзия и большая часть авлетики и кифаристики — все они являются вообще подражанием». Из этого следует, что искусство подражает природе — в этом Аристотель схож с Платоном, но происходит это потому, что подражание — черта, характерная для человека, то есть свойственна его природе и не носит негативной окраски, которая была у Платона. Платон считал, что художник, занимаясь подражанием чувственных вещей, создает лишь копии копий, так как вещи чувственного мира — это только измененные подобия вечных идей.

В главе VI приведено, пожалуй, самое известное определение трагедии, под которой понимается: «...подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, [подражание] при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной; посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов» [1]. Трагедия как действие серьезное и зачастую противоречивое, вскрывающее не только внешние, но и внутренние конфликты людей, служит основанием для трагического катарсиса.

Не меньшую роль для понимания сути трагического катарсиса играют шесть элементов трагедии, выведенные Аристотелем: фабула, характеры, разумность, сценическая обстановка, словесное выражение и музыкальная композиция. Фабула через страдания главного героя приводит зрителей к наивысшей точке воздействия на человека, то есть к катарсису.

Сделав эти предварительные замечания, мы можем перейти, наконец, к наиболее интересующему нас в рамках данного исследования понятию — катарсису, или «очищению от аффектов», то есть очищению от некоторых кратковременных и неконтролируемых эмоциональных переживаний, таких как ярость, ужас, отчаяние и т. д. На первый взгляд, данное понятие является очевидным и не нуждается в дальнейшем прояснении, однако само значение слова «очищение» не объясняется Аристотелем, а понятие катарсиса греки понимали в двух основных смыслах: как очищение аффектов от скверны и как очищение души от аффектов, освобождение от них. Наличие этих двух трактовок дало начало зарождению новых всевозможных гипотез о природе катарсиса. В этом смысле термин «катарсис» служит синонимом греческого слова «күфисис», что обозначает «облегчение от аффектов».

По причине сложности и многозначности термина катарсис, понять, что же подразумевал на самом деле Аристотель, представляет некоторую трудность. Возможно ли существование катарсиса в комедии, где методом очищения служит смех? Попытки ответа на этот и другие вопросы, связанные с катарсисом, возникают на протяжении последних столетий.

Исследованием данной проблемы занимались Августин, Корнель, Лессинг, Фрейд, Кассирер и другие. Все это доказывает тот факт, что и в настоящее время теория катарсиса широко охватывает всевозможные области знаний. Однако в дальнейшем интереснее будет проследить, каким образом и почему изменился именно трагический катарсис, т. е. проследить связь катарсиса с литературным и театральным жанром — трагедией.

1. Аристотель. Об искусстве поэзии / Пер. В. Г. Апфельрота и комм. Ф. А. Петровского. (Памятники мировой эстетической и критической мысли.) М.: Гослитиздат, 1957. 183 с.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. Ю. Н. Кириленко

Субъективные и объективные элементы киноязыка экранизаций

Э. В. Тарасенко

Новосибирский государственный университет

Экранизация предполагает изменение материи повествования: выраженное словесно интерпретируется посредством звуков, света, положения камеры, монтажа [1]. Так конструируется визуальный образ, посредством которого формируются структура и содержание фильма. В первую очередь необходимо заметить качественное отличие материи экранизации от литературного первоисточника. Однако процесс переноса сообщения из одной материи в другую — конструирования нового сообщения — связан с процессом восприятия-интерпретации.

Изучение процесса переноса представляется актуальным с точки зрения проблематики языка и понимания. Для этого необходимо рассмотреть следующие аспекты: насколько релевантной первоисточнику является экранизация, уместно ли говорить об их содержательном совпадении, какие объективные и субъективные факторы оказывают влияние на конструирование образа. В данной работе рассматриваются теоретические соотношения объективных и субъективных факторов.

Принято говорить об экранизации как о вторичном произведении в отношении с литературным первоисточником. Тем не менее, экранизация, конституированная интерпретационными механизмами, способна раскрывать периферийные смыслы и порождать новые. Механизм восприятия-интерпретации заключает в себе разворачивание смыслов, содержащихся в первоисточнике. Сам процесс разворачивания происходит из позиции интерпретирующего субъекта, обусловленного контекстом восприятия и собственными основаниями восприятия, конструирующими его. Такими основаниями может являться все от очевидного бэкграунда до бессознательных конструкций. Под бэкграундом в данном случае понимаются социальный статус, происхождение, знания и информация, которыми способен оперировать субъект и т. д. Обе эти составляющие относятся к археологии субъекта.

Согласно П. Рикеру, феномен интерпретации двунаправлен: будучи обусловлен археологией субъекта, он обусловлен и его волей [2]. Таким образом, рассматривая экранизацию как интерпретацию литературного первоисточника, мы не можем исключить субъективную составляющую. Встает вопрос о связанности первоисточника и интерпретации. Так, режиссер и теоретик кино Р. В. Фасбиндер утверждает невозможность объективного восприятия литературного первоисточника [3]. У. Эко предполагает различные возможности соотношения результирующего произведения с первоисточ-

ником, отмечая, что они никогда не могут быть полностью содержательно эквивалентны [1].

По Р. Барту, текст в самой своей структуре обладает множественным смыслом, «пересечением» отдельных смыслов [4]. Таким образом, плюрализм интерпретации структурно предзадан самим Текстом и является в этом смысле объективным. Субъективная компонента восприятия реализуется в частичном раскрытии смыслов. Также Барт вводит понятие открытого смысла [5]. Открытый смысл не может быть артикулирован в понятиях, «выходит за границы» языка и отвечает за акт творения произведения. Понятие используется для анализа кинематографа, только на уровне открытого смысла проявляется собственно «фильмическое».

Анализируя вышесказанное, можно наблюдать, насколько различны предлагаемые подходы. Исходя исключительно из посылки о субъективном восприятии литературного первоисточника, возможно прийти к ложному предположению о полной случайности интерпретации. Однако интерпретация необходимо конституируется отношением к первоисточнику, то есть имеет некоторое объективное основание. Кроме того, субъективные компоненты интерпретации также не являются произвольными. Археология субъекта вне зависимости от его осознанного намерения, каковым может выступать идеологическое предписание партии или мода на мелодрамы, раскрывает в потенции текста-первоисточника определенные аспекты и отношения. Так, рассматривая фильм Тарковского «Солярис», можно наблюдать тематику отношений межличностного свойства, что особенно отчетливо раскрывается в сцене, представляющей собой аллюзию на возвращение блудного сына. По словам самого Лема, в книге данная проблематика не затрагивается.

Таким образом, интерпретация субъекта конституируется потенцией текста как структуры и расшифровывающей его как символическое археологией субъекта. Субъект остается уверен, что его видение объективно или максимально релевантно «замыслу». Оставаясь полностью или частично объективной в воззрениях субъекта, экранизация как интерпретация получает новые значения, конституированные его археологией и контекстуальной обусловленностью.

1. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. 576 с.

2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И. С. Вдовина. М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 1995.

3. Fassbinder R. W. Filme befreien den Kopf. Hrsg. von Michael Töteberg. Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984. 137 S.

4. Барт Р. S / Z: Бальзаковский текст: опыт прочтения. М.: Ad Marginem, 1994.

5. Барт Р. Третий смысл. М.: Ad Marginem, 2011. 104 с.

Научный руководитель — канд. филос. наук И. С. Кудряшов

Метафора волны в кинокритике: эвристические возможности и недостатки

А. В. Татарникова

Новосибирский государственный университет

Кино — искусство, которое быстро и остро реагирует на достижения технического прогресса, благодаря чему возникают новые способы трансляции художественного виденья. Изменения в социуме предлагают режиссерам новые темы для творческой рефлексии. Развитие кино порождает потребность в осмыслении новых способов визуальной репрезентации социальной жизни и усовершенствование метаязыка описания. Одним из инструментов описания является метафоризация.

Популярной метафорой в социальной рефлексии (в теории социальных движений, литературном анализе, теории мобильности и др.) является образ волны. В кинокритике метафора волны используется для обозначения плеяды режиссеров, которые отличаются от прочих стилевыми особенностями киноязыка, выбором методов и тем для художественной интерпретации.

Использование метафоры волны применительно к кино восходит к критикам журнала *Cahiers Du Cinéma* и французским режиссерам 1950–1960 годов, таким как Годар, Трюффо, Шаброль, Риветт, Ромер и их последователи. Под влиянием новой французской волны произошли изменения в кинематографе других стран: появились Американская, Английская, Чешская, Польская, Немецкая, Японская и другие волны. Сегодня метафору волны можно встретить в других контекстах, без привязки к конкретному временному промежутку и прародительнице тенденции. Так, волной называют картины датских режиссеров второй половины 1990-х, объединившихся в группу «Догма 95» во главе с Ларсом фон Триером, японское кино 1990-х годов, российское кино 2000–2015 гг., казахское кино 1990–2000 гг. и другие. Со временем первоначальное значение метафоры размывается и приобретает новые смыслы, а применение метафоры к тому или иному явлению в кинематографе становится поводом для дискуссий.

Возникновению метафоры волны способствовала теория авторства критиков *Cahiers Du Cinéma*, согласно которой критического внимания достойны только *авторские* картины. Таким образом, в *волновые* группы попадали нетривиальные художники, отвечающие определенным критериям. Это, во-первых, приводит к зашориванию взгляда и однозначной ценностной характеристике потенциального зрителя. Сегодня можно заметить тенденцию переоценки массового, коммерческого кинематографа. Оно уже не считается низкопробным продуктом режиссеров третьего ряда. Этому способствует

размывание деления на высокую и низкую культуры, демократизация способов проявления креативности, улучшение качества фильмов, рассчитанных на большую кассу, интерес к повседневности со стороны гуманитарных наук и философии. Разделение фильмов на достойные и недостойные внимания сегодня не актуально, что ставит под вопрос корректность использования термина *волна*, в основании которого лежит данная посылка. Во-вторых, авторское/массовое, авангардное/коммерческое, артхаусное/мейнстримное разводятся по разным основаниям, то есть данные дихотомии содержат логическую ошибку. Если деление на высокое и низкое понятно, то другие вышеперечисленные примеры не являются привативными оппозициями. Это оппозиции эквивалентные.

Метафора новой волны сталкивается с рядом других проблем. Так, не всегда понятны механизмы, по которым режиссёры объединяются в общую категорию — вследствие собственной инициативы или в результате внешней категоризации зрителями, журналистами, исследователями культуры и кино. К проблеме причин и критериев для объединения в одну волну относится уже упомянутое смещение границ авторского кино, а также размывание термина с учетом дополнительных критериев, которые можно выделить при рассмотрении кинематографа определенной страны в историческом разрезе. Размывание понятия происходит за счет дифференциации критериев по эстетическим факторам или в силу объективных обстоятельств, что приводит к использованию одной метафоры для объединения событий в группу на разных основаниях.

Метафоричность языка несет в себе еще одну проблему: ассоциации, вызываемые данной метафорой, могут вызвать ожидания цикличности тенденции (последовательность волн) и ее фазового характера (зарождение, пик и спад). Это может приводить к построению прогнозов и проектированию структуры происшедших культурных событий в угоду умозрительной конструкции, что поднимает вопрос о корректности такого способа мышления.

Таким образом, мы видим на примере анализа метаязыка кино, что метафора волны, с одной стороны, помогает увидеть новые тенденции в развитии культуры, а с другой стороны, обладает существенными ограничениями, которые полезно понимать.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Т. В. Барчунова

Новейшая история красоты, новейшая история уродства

А. Н. Чернуская

Новосибирский государственный университет

Красота и уродство являются важнейшими эстетическими категориями, однако представляется невозможным определить их четко и исчерпывающе. Очевидно, что на протяжении всего развития общества, в частности, западного, представления о них неоднократно менялись.

В своих трактатах «История красоты» и «История уродства» У. Эко анализирует изменение эстетических норм в европейском обществе практически до конца XX века. Динамика отношений между прекрасным и безобразным не была однозначной даже на ранних этапах развития. Они не были чистыми противоположностями, как мы привыкли думать, а скорее отражениями друг друга. Со временем они всё больше пересекаются, творцы начинают обращать всё больше внимания именно на спорные области. Изображение неприглядных сторон жизни, написанное с большим техническим мастерством, будет считаться прекрасным или безобразным? Можно ли назвать красивой картину, изображающую прекрасные вещи слишком тривиально и потому не вызывающую никакого интереса?

Современное понимание красоты и уродства, хоть и является прямым следствием предшествующего исторического процесса, всё же развивается в изменившемся мире, по новым принципам. Появляется необходимость в новых методах и средствах для анализа всё увеличивающегося объема информации. Вопросы эстетики, давно вышедшие за рамки бинарности «красиво-уродливо», уже не опираются на эти категории, а скорее уделяют внимание отношениям между художником, произведением и зрителем, оценивая замысел и его соответствие производимому эффекту.

Некоторые выводы относительно нынешних понятий о красоте и уродстве сделать уже можно. В обществе произошел ряд качественных изменений, перевернувший всю систему получения и восприятия человеком новой информации. Распространение новых типов медиа, таких как телевидение и особенно интернет, существенно увеличило скорость производства и передачи данных и сделало возможным ещё более быструю смену общественного вкуса. С другой стороны, медиа сами и формируют общественный вкус. Сфера эстетического всё сильнее связывается с бизнесом и вовлекается в круг спроса и предложения. Создатели любого контента стараются сделать его продаваемым, а самый простой способ добиться этого — использовать клише, стандартные образы. Можно заметить, что в последнее время особой популярностью пользуются изображения людей с преувели-

ченно феминными либо маскулинными чертами. Тем не менее, существует также множество альтернативных течений, предлагающих различные типы красивого и красиво-уродливого для более узкой аудитории и не пользующихся таким коммерческим успехом. Таким образом, ещё один парадокс современности заключается в том, что понимание красоты одновременно и упрощается, и усложняется.

Увеличение количества визуальных образов и их массовое распространение также размывает границу между условными элитарной, массовой и низовой культурами. Обмен ими происходит через глобальную сеть, и, находясь в общем пространстве, неизбежно воздействуют друг на друга. Однако и здесь ситуацию можно увидеть как противоположную. В области эстетики, как и во многих других, появляется проблема «информационных пузырей». Алгоритмы многих соцсетей предлагают пользователям контент на основании их предпочтений, и вследствие этого каждое течение формирует небольшую закрытую среду.

Взгляд на область эстетического в исторической перспективе наталкивает на мысль, что она постоянно расширяется. Если бы всеобщий идеал красоты существовал, он, вероятно, был бы уже достигнут и закреплён, однако вкусы постоянно движутся и меняются. Помимо условной красоты и гармоничности важна ещё и свежесть образа. Поэтому любой канон рано или поздно наскучит общественности и обязательно будет развенчан и перевернут. Затем этот новый тип красивого тоже впишется в общественное сознание и займёт своё место рядом со старым, и процесс повторится заново. Но что происходит, когда область красоты расширяется до предела и становится всеобъемлющей?

Современное общество существует в состоянии, определённом У. Эко как «эстетический политеизм», что, тем не менее, не означает отсутствия в нём проблем и противоречий. И для их разрешения на наших глазах и нашими усилиями возникает новый уровень эстетического дискурса, более зрелый и непредвзятый.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Т. В. Барчунова

Метафизические основы виртуальности

Е. К. Шишкина

Новокузнецкий институт — филиал
Кемеровского государственного университета

Человек всегда был очарован виртуальным, позволявшим преодолеть ограниченность и тривиальность материального мира. В самом общем смысле виртуальность — это некоторое состояние бытия, наличие в нем определенного активного начала, предрасположенность к появлению некоторых событий или состояний, которые могут реализоваться при соответствующих условиях. Начало идее виртуальности как таковой положила схоластика, а само понимание виртуальной реальности было непосредственно связано с трансцендентностью. *Virtus* в средневековой схолистике было тем семенем, которое давало возможность проявиться и стать бытию актуальному, преодолевая потенциальное. Следуя онтологическому контексту, будем рассматривать виртуальную реальность, наделяя ее такими характеристиками, как «возможный» и «кажущийся».

Сегодня виртуальность и виртуальная реальность в постмодернистской философии понимаются как проявление гиперреальности, воссозданной посредством компьютерных технологий и интернет-сетей и связанной с существованием симулякров и симуляций. В. В. Афанасьева выделяет иерархию виртуальных реальностей, которым соответствуют схожие законы и характеристики. Первым уровнем, наиболее близким к реальному, является естественная, или физическая реальность. Вторым выступает компьютерная виртуальная реальность, а также мир, конструируемый посредством рекламы и СМИ. По мнению Д. В. Иванова, не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь. Следующий уровень занимает культурная виртуальность, а именно мораль, философия, религия, литература, искусство. Самый последний уровень, наиболее сильно отдаленный от реального, — мистика и эзотерика. Правомерно поставить вопрос о том, чем обосновывается различие между реальностями, принципиально оно или стадийно?

Основоположник виртуальной психологии Н. А. Носов определял виртуальную реальность через призму следующих свойств: порожденность, актуальность, автономность и интерактивность. Исследователь Н. Карпицкий характеризовал виртуальную реальность как образную реальность, образы которой не имеют предметно-сущностного содержания. Виртуальная реальность, отличаясь своей нематериальностью, свободой, искусственностью и изменяемостью, также является платформой

самовыражения человека, которой доступно взаимодействие с другими реальностями.

Существование виртуальных реальностей обосновывается теорией полионтизма, в соответствии с которой предполагается множественность существующих и равноправных реальностей. Носов утверждал, что онтологически нет ограничений на количество уровней иерархии реальностей, но психологически, т. е. относительно конкретного человека, актуально функционируют только две реальности: константная и виртуальная.

Человек является тем, кто не просто является участником существующего процесса и лишь отражает реальности, а тем, кто способен их генерировать. Аналогичного взгляда придерживался и византиец Исаак Сирий, утверждая, что уровни реальностей определяются не их статусом, а усилиями человека, посредством которых он раскрывает самого себя, порождая в себе реальности. Однако философ Василий Великий предполагал, что реальность сама порождает онтологически равную реальность, на основе чего он обосновывал мысль творения мира.

В каком отношении виртуальная реальность стоит к бытию? Классическое философское понимание бытия не исчерпывает, а противоречит существованию виртуального мира, так как обосновывает идею о том, что виртуальности соответствует несуществование, невидимость. Наиболее близко к природе виртуальности выступает интерпретация бытия философии XIX–XX веков, утверждающая связь изменчивого и преходящего бытия со временем.

Объекты виртуальной реальности имеют порожденный, пограничный, переходный характер, они не способны достичь перманентного наличия или присутствия, однако имеют статус онтологически равноправных с объектами порождающей реальности. Носов утверждал, что виртуальный объект реален и актуален, но не субстанционален и потенциален. Виртуальность предоставляет реальным объектам новые возможности своего существования. Человек находится на грани идеального и материального, а виртуальность может выступать как компонент, связывающий субъективное и объективное. Наше время характеризуется существованием качественно новое воплощение виртуальной реальности, посредством компьютеризации и технологий, что может привести к размыванию границ существования человека в мире.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Л. А. Пашина

**Культурное производство в эпоху новых медиа:
опыт современного искусства**

К. В. Яндулов

Томский государственный университет

Данная работа посвящена специфике культурного производства в эпоху новых (цифровых) медиа. Осмысление специфики культурного производства всегда занимало одну из центральных позиций в поле культурологического знания, базируясь на дискурсивных полях таких дисциплин, как социология культуры и философия культуры. Культурное производство — широкое понятие, которое включает в свой категориальный диапазон как специфику производства символической и материальной продукции, так и способы существования, дистрибуции, репрезентации продуктов культурного творчества. В рамках данной работы нам хотелось бы проанализировать трансформацию культурного производства, в которой заложено изменение каналов распространения и форм репрезентации с приходом в контекст современности понятия «новых медиа».

История интеллектуальной и художественной жизни может быть понята как история изменений функций институций по производству символической продукции и самой структуры этой продукции, что соотносится с постепенным становлением интеллектуального и художественного поля, т. е. как история автономизации собственно культурных отношений производства, обращения и потребления.

Экспонирование традиционного (классического) искусства предполагало использование старых форм медиакультуры. В контексте выставочного пространства зрителю предлагались картина, скульптура и другие виды старых медиа. Основой старых медиа являлся тот аспект, что они базировались на аналоговом и печатном способе передачи информации. В связи с этим можно наглядно продемонстрировать данный тезис на примере такого произведения искусства, как «Банка будущего» Дмитрия Пригова (1993 г.). Произведение представляет собой традиционную форму медиакультуры — банка с написанной на ней фразой «банка будущего», которая вполне отвечает характеристике печатного способа вещания. Медиа — это не фиксированные объекты: они не имеют естественных краев. Они представляют собой сконструированные комплексы желаний, верований и процедур, встроенных в сложные культурные коды коммуникации. История медиа — это никогда не больше и не меньше, чем история их использования, что всегда уводило нас от них самих к социальными практикам и конфликтам, которые они освещают.

С переходом к парадигмальной установке новых медиа меняются и способы экспонирования произведений искусства. Новые медиа трансформируют культурное производство в аспекте дистрибуции и форм репрезентации его продуктов. Подкрепить тезис о трансформации культурного производства хотелось бы кейсами из такой области современного искусства, как Art&Science. Art&Science — область современного искусства, представители которого используют концептуальные основания, исследовательские методики и новейшие технологии при создании своих произведений. Проект «биокомпьютерная музыка» Эдуардо Рек Миранда (2015 г.) наглядно олицетворяет радикальные изменения в контексте изменений культурного производства. Проект направлен на исследование возможностей совместного творчества музыканта, играющего на фортепиано, с грибоподобным организмом *Physarum polycephalum*. Эта слизистая плесень примечательна тем, что обладает памятью, а значит, способна удерживать какую-то интенсивность своих ощущений. Человек играет на инструменте, выходные сигналы звукоснимателей преобразуются в импульсы, посылаемые плесени. Слизевик «слушает» и «отвечает», а его ответ преобразуется обратно в ток для колебания струн. Так получается аккомпанемент. Сам акт творчества в этом примере предстает перед нами явным признанием того, что мы не занимаем никаких лидирующих позиций в подобном взаимодействии. Это исследование с открытым финалом, выяснение того, что мир может предложить нам в ответ.

Таким образом, с приходом новых медиа качественно изменяется форма репрезентации и дистрибуция произведений искусства в контексте их экспонирования на выставках современного искусства. Новые медиа расширяют дискурсивный диапазон возможностей культурного производства, который отражают не только тенденции виртуализации и дигитализации, но и новое состояние живое как новое медиа.

Научный руководитель — д-р филос. наук, профессор Д. В. Галкин

Указатель авторов

Ашер А. С.	5	Новикова А. Е.	14
Бобров Н. Д.	26	Носикова Я. В.	109
Боброва Т. А.	7	Овчинников С. Е.	82
Боровикова П. В.	95	Охотник Н. А.	46
Бочкарёв К. С.	97	Плюснин Л. В.	51
Верпета В. В.	28	Поединкин А. В.	46
Вечканов А. Е.	67	Полукошко М. А.	16
Дятлов И. И.	30	Поротиков Е. И.	84
Ефимов И. П.	32	Прокопьева Т. В.	53
Журавлева А. С.	69	Ржата А. С.	55
Забелин А. В.	9	Серошган И. А.	87
Зиганшин А. Р.	34	Сонич И. В.	18
Иванова Е. И.	70	Судакова Н. М.	20
Кабьшева Э. В.	99	Сулаев А. А.	57
Калинина В. В.	72	Тарасенко Э. В.	111
Калюжный К. В.	75	Татарникова А. В.	113
Климова А. С.	101	Тихоновская К. В.	89
Ковальчук А. А.	36	Уколов С. С.	59
Кокорина О. В.	38	Филатова В. М.	61
Кондратьев К. А.	76	Фотева А. Ю.	91
Кондрашова В. О.	103	Хлыновская С. А.	22
Коротков И. В.	40	Хромченко А. С.	24
Кривец В. С.	105	Цыплаков С. Д.	63
Кривцова А. А.	12	Чернусская А. Н.	115
Куликова А. А.	78	Шахбазян А. М.	65
Лада Д. А.	80	Шишкина Е. К.	117
Мельникова М. А.	42	Эртель И. И.	93
Минаева А. Е.	44	Яндулов К. В.	119
Мусаев М. З.	107		

Оглавление

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ашер А. С.	5
Боброва Т. А.	7
Забелин А. В.	9
Кривцова А. А.	12
Новикова А. Е.	14
Полукошко М. А.	16
Сонич И. В.	18
Судакова Н. М.	20
Хлыновская С. А.	22
Хромченко А. С.	24

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Бобров Н. Д.	26
Верпета В. В.	28
Дятлов И. И.	30
Ефимов И. П.	32
Зиганшин А. Р.	34
Ковальчук А. А.	36
Кокорина О. В.	38
Коротков И. В.	40
Мельникова М. А.	42
Минаева А. Е.	44
Охотник Н. А., Поединкин А. В.	46
Плюснин Л. В.	51
Прокопьева Т. В.	53
Ржата А. С.	55
Сулаев А. А.	57
Уколов С. С.	59
Филатова В. М.	61
Цыплаков С. Д.	63
Шахбазян А. М.	65

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Вечканов А. Е.	67
Журавлева А. С.	69
Иванова Е. И.	70
Калинина В. В.	72
Калюжный К. В.	75
Кондратьев К. А.	76
Куликова А. А.	78
Лада Д. А.	80
Овчинников С. Е.	82
Поротиков Е. И.	84
Сероштан И. А.	87
Тихоновская К. В.	89
Фотева А. Ю.	91
Эртель И. И.	93

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Боровикова П. В.	95
Бочкарёв К. С.	97
Кабышева Э. В.	99
Климова А. С.	101
Кондрашова В. О.	103
Кривец В. С.	105
Мусаев М. З.	107
Носикова Я. В.	109
Тарасенко Э. В.	111
Татарникова А. В.	113
Чернусская А. Н.	115
Шишкина Е. К.	117
Яндулов К. В.	119

Научное издание

МНСК-2018

ФИЛОСОФИЯ

Материалы
56-й Международной научной студенческой конференции

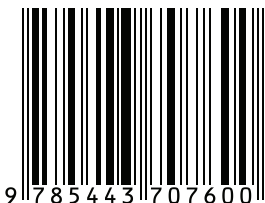
22–27 апреля 2018 г.

Корректор *С. В. Исакова*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 20.04.2018 г.
Формат 60 × 84/16 Уч.-изд. л. 7,7. Усл. печ. л. 7,2.
Тираж 100 экз. Заказ № 81.
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

Секция
ФИЛОСОФИЯ

ISBN 978-5-4437-0760-0

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

